

Шатъяна Мудрая

*Ангелоиды
сумерек*

Татьяна Мудрая

Ангелоиды сумерек

«Автор»

2013

Мудрая Т.

Ангелоиды сумерек / Т. Мудрая — «Автор», 2013

В мире свирепствует пандемия, гораздо более страшная и тотальная, чем СПИД. Андрея Хуторянцева, молодого человека, потерявшего всё, что имел, и доживающего последние минуты, подбирает разудалая компания. Она обладает вполне человеческим обликом, жёстким чувством юмора, близким к божественному (по определению Германа Гессе, которого все её члены разыгрывают в лицах) и, возможно, правом судить. Для своей потехи эти создания, Дети Сумерек или попросту сумры, почти насильно удерживают Андрея в этой жизни, а потом судят и подвергают каким-то непонятным издевательствам. Как сам он начинает догадываться немного погодя, все это имеет куда меньшее отношение к его земным грешкам, чем к инициации. Ибо Андрея делают равным самому себе идеальному, в каком-то смысле равным всей Земле. Ибо каждый истинный человек равновелик Вселенной. Его принимают в сообщество и посвящают в далеко идущие цели, главная из которых – возродить на новых основаниях сообщество Живущих, пересоздать планету, сделав её цельным и гармоничным организмом. Таким, каким его видели последователи древнейших религий. Впоследствии именно Андрею выпадает честь стать посредником между всеми земными силами.

© Мудрая Т., 2013

© Автор, 2013

Содержание

I	5
II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Мудрая

Ангелоиды сумерек

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик – о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, – ни мрак, ни свет!*

М. Ю. Лермонтов. Демон

I

*– Знаешь ли ты, что мы оба дети дьявола?
– Да, мы его дети. Дьявол – это дух, и мы его несчастные дети.
Мы вышли из природы и висим в пустоте.*

Герман Гессе. Степной волк

Я валялся в луже под сенью больничного навеса, из последних сил смолил шалфейно-чайный косячок, спасённый от врачей и сэкономленный благодаря титаническим усилиям, – и загибался по полной программе. Оттого мне было хорошо как никогда ранее в жизни: полный кайф, ништяк, отпад и облом. Косяк и жизнь были мои собственные, лужа, как я понимаю, – тоже. Зато койка в госпитале, переоборудованном из городской поликлиники, была казённой, как тыльная часть ружья. Вот меня и выперли, как только стало ясно, что я конкретно нацелился подыхать. Несмотря на все жизнеутверждающие эксперименты обслуживающего персонала. У них там груднички с мамашами прямо в коридорах на полу лежат, им тоже надо. Хотя, если присмотреться, зачем?

Сверху, с пластикового козырька, петлями кишок свисали энергосберегалки – типа «вечные» лампы. Половина из них не светила – то ли вечер как следует не наступил, то ли перебили в мелкую крошку. С некоторых наподобие брызжейки свисала какая-то непонятная дрянь, что наводило на мысли. По бокам меня шевелились такие же людские выбросы – или отбросы? – стремительно достигая полноты своего неживого состояния. Кое-кто лежал смирно: я так думаю, обезболивающее у них было покруче моего. Длиннейшая перспектива перед нами была просто чуждая: вся площадь перед госпиталем была выстрижена от клёнов и тополей налысо, чтобы никто не мешал труповозкам подбирать народ. Что они делали с нами дальше – не знаю, но догадываюсь: почти с самого начала спидомора с топливом для тепловых электростанций и консервированной армейской тушенкой не было ровным счётом никаких проблем. Бесперебойное поступление.

Не то было года три назад, когда все на Земле думали, что мы вот-вот победим синдром тотального иммунодефицита, Эболу, злокачественную чахотку и скорострельный бытовой сифилис. Всё сразу в одной обойме. Рождаемость тогда радикально возросла, и средства существования мигом приобрели завлекательность.

Не время и не место обсасывать здесь наши исторические ошибки, однако почему мы все решили, что дело в вирусе? Отчего не опомнились даже тогда, когда весь мир ввергло в пучину и прихлопнуло сверху тугой крышкой?

Вирус медленного действия, иначе – новомодный прион был с нами всегда от начала всех начал. Теперь он сработал как спусковой крючок, и только, – а гончие псы именно того и ждали, чтобы сорваться с привязи, как они делали, когда человечество начинало слишком

уж докучать окружающей среде. Черная Смерть в четырнадцатом веке, антонов огонь в пятнадцатом и пандемия холеры в восемнадцатом, испанка девятнадцатого века...

И вот теперь это. Наследственный СПИД, который передаётся не только через кровь, слюну и прочие физиологические жидкости, но гнездится в самом клеточном ядре. У вполне добродетельных, совершенно здоровых и проверенных родителей рождаются дети для стеклянного колпака и одновременно заносят заразу в самих предков. И чем меньше в жизни родителя было половых и прочих контактов, тем легче пусковому вирусу сломить барьер естественной сопротивляемости, а генетической порче – разлиться по организму. Вначале маскируясь обыкновенной желтухой новорожденных, агент противника доказывал потом, когда уже было поздно кричать «ура» или «караул», что он многолик и неуязвим, как древнегреческая гидра.

Вот, кстати, отчего на месте штатских медучреждений появились госпитали: врачи, сестры, братья и нянюшки были мобилизованы на тайный фронт, а лечебная обстановка – приближена к военно-полевой.

И всё равно: тут были места не лечения и тем более не излечения, а передержки перед моргом.

Нет, конкретно я обо всем этом не думал – так, сквозило нечто мимо черепа, будто ветерок, наполненный кислотными картинками. И о том, что человечество на удивление дружно и бесконфликтно спланируется вокруг потребляемых ресурсов, не думал тоже. Просто медитировал помаленьку на всё это. Типа клал. Потому что перед лицом безличного и неумолимого врага все локальные войны заведомо теряют смысл, а благодарная природа бессмертно сияет на известного рода удобрении. Цветет, пахнет и разрастается...

Ну вот. Пока мои слезящиеся глазёнки пялились на роскошную сине-зеленую стену далеко вдали, я, наверное, пропустил что-то очень важное.

Потому что меня крепко поддели носком обуви под ребра, и приятное меццо-сопрано спросило:

– Мэн, ты что в смерти ценишь больше всего – процесс или результат?

Я вздернул голову.

Женщина была почти вся закутана в полупальто – и, клянусь всеми чертями, это был самый неподдельный дафлкот, причем от фирмы Gloverall: я такие штуки просекал мигом. Давным-давно, еще до большого бенца, я подрабатывал продавцом-консультантом в таком магазине. Двойная верблюжка, некрашенная и не пробиваемая никаким дождем, подкладка из клетчатой шотландки, длинные петли с костяными пуговицами в виде клыков и капюшон, внутри которого пряталось всё, кроме напористого голоса. Вообще-то из рукавов виднелись аккуратные розовые ногти, а с другого конца дафлкота – джинсы, кажется, чёрные. Про моднейшую остроносу обувь я не говорю – ребра ныли до сих пор.

Пока я въезжал в ситуацию, капюшон слетел с дивной белокурой головки, пышные локоны рассыпались по плечам, и ангелица повторила:

– Я кого спрашиваю. Ты как сдохнуть предпочтёшь – прямо сразу или с чувством, с толком, с расстановкой? Что тебе дорого – процесс, едри тебя в качель, или результат?

– Процесс, куршевель долбаная! – рывкнул я из последних сил в бледно-голубые оченята. От этого почти конченный косяк сорвался с губы и шлёпнулся прямо в лужу, где его настиг и расплющил каблук низкого полусапожка.

– А, ну тогда давай поднимайся из своего... гм...праха, руки замком – и цепляй меня за шею.

Как ни дивился я сам себе, но всё это проделал. Наверное, с гипноза и передоза. Утвердил себя на полужидких подставках, навалился на даму и повис у нее на шее.

– Ну и запашок от тебя. Не человек, а какая-то дыра в неисправной канализации. Ты что, ел?

Меня немножко удивила такая постановка вопроса. Естественно, госпитальный кондёр только на то и годится, чтобы высрать наружу все кишки. Так что теперь – вообще не питаться?

– А ты откуда такая заеда?

– Последовательница матери Терезы, однако, – фыркнула она.

– Они чего, все такие сволочи?

– Теперь да. Потребляют в жидком состоянии то, что вы – в твердом. В смысле – пьют то, что люди кушают. Водку, например.

На это я не сумел ответить – потому что меня перекантовали за спину и резво поволокли прочь. Густые волосы цвета засахаренного липового мёда лезли мне прямо в глаза и нос и пахли так же, как смотрелись, – офигенно. Сначала, как помню, я кротко удивлялся, откуда у девчонки такая сила и такое лошадиное здоровье, потом – отчего редкие прохожие не замечают в нас ничего странного. Как и в рухнувших витринах, внутри коих оптимистично шарилась мелкая бандюганы. Крупные давно монополизировали топливную и пищевую промышленность, однако держались в тени, как и я до сих пор.

А сейчас я и вообще вырубился напрочь.

Очнулся от хора звонких голосов и оттого, что мне вроде как пытались проткнуть горло чем-то острым. Потом некий холодный огонь пробежал по всем жилкам и ударил в грудину изнутри, отчего я снова чуть не сдох, но кое-как оклемался.

Выпрямился на своём лежбище – и немного удивился: кто-то не просто отмыл меня до блеска, будто хрустальный фужер, но и напялил нечто вроде белого пижамного савана. На ноги было наброшено тощее байковое одеяльце, тоже практически белое. А поперек туловища... фу ты ну ты... шёл стальной пояс с кожаной подкладкой. Толстенная цепь соединяла его с кольцом, вмурованным в каменную стенку большого зала. Вверху был свод, как в старинном бомбоубежище, еле видный в каком-то моргающем свете, сбоку – огромный зарешеченный камин с мраморной доской, а внизу – неплохой дубовый паркет и эмалированный тазик на нём: наверное, чтобы опрастываться и блевать.

Далеко за пределами моей досягаемости за мной наблюдала троица каких-то типов в таких же точно бежевых дафлкотах, как девчонка, но вроде как мужчин. Старшего, коротко стриженного и с величавой осанкой, я на глазок определил как чинушу и небожителя. Средний, темноглазый романтик в черных кудрях, что вились крутым штопором, словно у бывшего тифозника, навскидку получил от меня имя «Красавчик Брумель». Ну а самый младший, с пудреной косицей и оловянными глазками на постной роже, который громче всех подхихикивал непонятно чему, был явным аспидом, а вдобавок к тому еще и вылитой ехидной.

– Номо, homo uber alles, – мелодично пропел этот третий и, заметив, что за ними наблюдают, с хитрецой мне подмигнул.

Потом мужики переглянулись между собой и удалились, не знаю куда. Но вполне пристойно – через дверь.

«Хорошо структурированный бред, – меланхолически подумал я. – Что-то со мной вчера случилось. Интересно, почему я до сих пор живой? Глюки, что ли? Вот набьёшь в косяк непонятно чего... Не зря, видно, говорили, что чаем „липтон“ всякие интернированные личности укуривались еще во вторую мировую. Причём запашок от него был самый отвратный и въедливый на редкость. Да что говорить – одним шалфеем от него спасаешься».

Тут мои возвышенные размышления прервал уютного вида дядька лет на вид сорока-сорока пяти, который принес охапку дров и с грохотом свалил ее у камина.

– Оклемался, чудик? Ну, добро, – сказал он. – А то я всё беспокоился, знаешь. Сейчас мал-мала разгорится, так я тебя еще и вчерашней похлёбкой накормлю. Гороховая с рулькой и чесночком, для себя лично варил. Прочие-то не евши живут, – он кивнул в сторону выхода.

Голос у него вполне соответствовал внешности – этакий располагающий к себе басок.

– Спасибо, я вроде как сыт, – вежливо отозвался я.

– Ничего, это со вчерашнего. Ломало тебя просто жуть как. Вон Вульффы и устроили тебе срочное вливание, а оно... Ладно, я им обещал тебя особо не напрягать. Как звать, кстати?

– Андреем, – ответил я.

– То-то Волк Амадей всё хихикал насчет того, что их Диоген, наконец, отыскал человека. Беттина, имею в виду. И тебя, ясное дело. Ты вообще-то в курсе, что твое имя значит человек, андрос по-гречески?

– Мужчина.

– Точно. Бетти, уж верно, хоть и баба, но не человек, хотя пока не волк.

– Волк?

– Ага. Они тут всех своих на волчий манер кличут. Иоганн Вольфганг, Вольфганг Амадей и Гарри. Этого прозвали в честь Степняка.

– М-м?

– Степного Волка Гессе. Ты вроде парень начитанный?

Я кивнул.

– Филологическая вышка.

– Так она и сказала. Типа ты самая настоящая табула расы: пиши в тебе, что душевнее угодно. Бет – она по острому языку вне конкуренции. Заводила и задавака. Кличка ей тоже из Гессе: фон Армин, то бишь Гермина. А меня как звали по жизни Хельмом, Хельмутом, так и эти зовут.

Он протянул широкую лапищу, и я не обинуясь ее пожал. Как говорится, на всякий случай и про запас. Нет, в самом деле, он единственный казался вполне нормальным дядькой, а не членом маленькой армии. Даже дафлкот у него был попроще – двойной, черный с красным исподом, и не с клыками, а с белыми металлическими цилиндриками вместо пуговиц.

– Ты не серчай, что тебя заковали: это чтоб не буйствовал и не шлялся.

– Где мы?

– В заброшенном музее, в самых нижних этажах. Знаешь, почему все музейные подвалы – идеальные хранилища для неживого или условно живого? Температура стабильная: ни тепло, ни холодно, ни влажно, ни сухо. Биологическая автоматика. Самое то для экспонатов, артефактов, аттракторов и прочих симулякров.

Говоря так, он побросал в каминную пасть добрую половину полешек и поджёг лоскут бересты. Разгоралось пока робко, но пламя живо набирало обороты и вскорости начало гудеть вовсю.

– Хельмут, а что со мной будет?

Он пожал плечами:

– Это к судьям вопрос. Ты ведь захотел умирать медленно, а Бетти любит ловить людей на слове. До сих пор ей такие храбрецы не встречались даже на словах.

– Судьи?

– Трое мужиков. Они Беттине позволяют чуток поиграть в кошки-мышки, но не шибко такое любят. Ты, кстати, ей глянул – обычно она не интересуется чужими мнениями. Я так полагаю, теперь мужики решат врезать тебе на полную катушку, чтобы уж вполне потрафить.

– Это в каком смысле потрафить? Я хотел всего-навсего мирно свалить отсюда.

Хельмут, как ни удивительно, понял.

– Хотел – так чего заявку на совсем другое сделал? Вот они и постарались все четверо. Насчет переливания крови. Теперь тебе помирать в натуре лет тридцать, а то и больше.

Не знаю, что отразилось на моем лице, но Хельмут тотчас же бросился меня утешать:

– Да ты не беспокойся. Они твоё дело уже заочно рассматривают. Видишь ли, подвергать суду надо только тех, чья судьба того стоит. Кто заслуживает их игры. Иначе смысла нету. Ну а процесс – он во всех смыслах процесс. Вот и получай всё, что доктор прописал.

– А какое право...

– Не имеют, так присвоили. Кругом анархия, вот и у нас то же, сам должен понимать. Вообще это они играют. Шутят так. Зато я всерьёз исполняю.

– Ты, выходит... Он?

– В точку попал. Палач я. Профессия такая – исполнитель суровых приговоров.

Я присвистнул. Мои оцепеневшие нервы, наконец, получили то, чего добивались: хорошую взбучку.

– Уж не помню, где я к этому народу пристал и кто из нас первым подгрёб с нескромным предложением, – тем временем разглагольствовал Хельмут. – Старый Вольф дружил ведь с отставником из наших, неким Карелом Гуссом: покупал у него всякие диковинные штучки, раритеты, по-ихнему. На жену его, пани Жофью, небось, любовался. До самой смерти хороша была, на двадцать лет моложе супруга, а вышла за Карела по любви и против отцовской воли. Не с помоста снята, как частенько бывает. Скорее с этого... ложка телесной немощи. Вылечил он ее, понимаешь.

– Я слышал, что из вас получались лекари первой статьи.

– Нет, номер был явно другой по порядку. Нам ведь врачевать любыми уложениями было запрещено. Хотя те, кто писал, магистратцы всякие, впереди всего народа к нам поспешали, когда приспичит. За травками, а то и под ланцет ложились.

Ну, Вольфганг Амадей с самим Черным Человеком однажды переведался и музыку для него сочинил, да такую – по сю пору в церквях играют. А Гарри... тот в молодости любил рыжую красотку Зефхен из палаческого рода, что жила в «Вольном Доме», как это называли в старину. Такой дом ставили на отшибе, чтобы народ меньше встречался с нашим братом.

– Знато. Не бюргеры, так зато и не чёрная кость.

– А как же. Из нашего брата и настоящие дворяне получались. Генрих, то есть Гарри, над этим всласть поиздевался, ну и что?

– Выходит, пасть от твоего меча – всё одно что к истории приобщиться? Стрёмно, однако.

– Да не бойсь, чин-чином тебя отправлю. Ты, может, и вообще не почувствуешь, как на ту сторону перебрался. Я в своем ремесле хорошо насобачился. Типа чётко отделять жизнь от смерти. Муки всякие – это ведь тоже род существования. Вот возьми усеменение головы – если топором, то бесприменно треба хоть бревно подставить для надёжности. Не высший класс, оно конечно. Куда пристойней на весу и двуручником. Или, к примеру, петля на веревке – как узел свяжут, так и полетишь. Эй, да ты в самом деле есть не хочешь? Волчатки предупредили, что жрачка тебе пока требуется. Без неё как бы ты до срока не зачах.

Я помотал башкой... и вдруг понял, что именно этого мне и надо было всё время – настоящей человеческой пищи. Сочной, горячей, духовитой. Подогретой на мраморной доске здешнего камина.

– Значит, казнить будешь, – продолжал я, уплетая густую кашу золотистого цвета, в которой колом стояли шкварки, ломтики моркови и неочищенные дольки чеснока с нежнейшим содержимым. – Не понимаю, к чему были такие труды. Ведь ясно, что ошибочка вышла. Бросили бы неподалеку в кусты, и дело закрыто. Зарыто, я имею в виду.

– Вот чего, – сказал тут Хельмут, с удовольствием наблюдая за тем, как я вылизываю миску досуха. – Не могу я тебе сказать много более того, что уже просочилось наружу. Объяснять здешние трензели-вензели и турусы на колёсах – это ж только сами хозяева имеют право. Драться со мной и с ними не советую: мигом прихлопнем. Я как лягуху, они – что комара. Но уж поверь: не так всё просто, как кажется. В общем, прими это как очередную авантюру своей пёстрой жизни. Как последствия очевидных всем погрешений.

– Они меня уже заочно приговорили?

– Нет пока. Но если тебе охота зреть публичное пережевывание твоих косточек, я тебе это устрою. По всем пунктам. Блуд, закидоны, торговля в храме своим интеллектуальным достоинством. Рекламными статейками промышлял, наверно? Нелюбовь к малым сим.... Это я про

котят от вашей сиамки, коим ты помогал обрести Царствие Небесное... Чрезмерная забота о супруге: не захотел, чтобы она родами мучилась. Ребенок-то, чем черт не шутит, здоровеньким бы родился, кабы не...гм...липосакция. В общем, стандартный набор.

– Откуда ты это знаешь?

– Подумаешь, из ряда вон выдаётся. Стандартная анкета из тех, что временами ложатся на судейский стол. Единственное дитя у мамы-одиночки, учился на матерный капитал, аттестат золотой, диплом красный, квартира двухкомнатная, отдельная. Перебивался по жизни успешно. Бабло, бабы, книги... Однако на момент изъятия по причине мора неженат, безработен и бездетен.

– Хельмут. **Не лезь.**

Я был настолько обдолбан, что не отличал реала от сюрных видений, но ведь есть вещи, которых не допустишь и во сне. Моя Еленка... Ладно.

– Я-то соваться тебе в нутро не буду. Но вот Волки – они сумеют над тобой позубоскалить, хоть в лицо, хоть без лица. Так что от тебя еще до главной разделки одна шкурка останется. Вот я и говорю: оно тебе надо? Да лучше я тебя в пыточную стаскаю: куда как познавательней выйдет. Поел?

Он каким-то странным манером отвернул цепь с кольца и намотал себе на кулак.

– Пойдем. Это, между прочим, в ритуал входит. Осведомления и устрашения, вот.

Когда мы двинулись, я заметил, что зала это странная: вся в таких дверях, закругленных сверху и с какими-то каракулями вместо стандартного «вход – выход – для дам – для кавалеров» и прочего в духе. Числом девять. Допустим, одна из них ведёт наружу или куда там еще – возможно, в спальни пленивших меня господ, а остальные куда?

Я спросил.

– Секрет Синей Бороды, – хмыкнул Хельмут в свою собственную бороду, короткую и выхоленную, будто выхухоль.

Между порталами были воткнуты светящиеся палки, закрепленные в кольцах. Я всю дорогу на них любовался, пока не заключил, что это факелы: пламя колыхалось совсем чуть, наверное, оттого, что ветра не было.

За одной из дверей открылся величественный и мрачный притон. Всю середину занимало нечто вроде небольшого прокатного стана с натянутыми веревками и шипастыми валиками.

– Дыба, – пояснил Хельмут. – Лежачая. Там, в углу, парное к ней креслице, всё в деревянных иголках. Только сядешь – и целлюлита как не бывало. Эта лестничка со ступенями треугольного сечения – «страппадо», или «строптивный жеребенок». На ней лёжа, один монах по прозвищу Кампанелла про уютный город своей мечты сочинял. Чтобы всех людей под один ранжир подвести для общего солнечного счастья. Второй Прокруст.

– Ага, – невольно усмехнулся я.

– Вон та пирамидка на ножках называется «колыбель». Для нерадивых мамаш, я так думаю. Чтобы самим раскачиваться на острие и дитя хорошо убаюкивать обучались.

– А Нюрнбергская Дева у тебя тут имеется?

– Местных гулён тебе не хватало? погоди, вот уж Беттина тебя получит, – он, побрякивая, нагнулся и вытащил на свет божий аршинные клещи.

– Зубодёрные. Тоже знатная пытка. Ваш царь Петр любил применять – до него корешки простым долотом выбивали. Еще где-то тут мокса валялась: кусочки трута, что кладут на тело и зажигают. Не помню, от какой это хвори, но еще в прошлом веке было востребовано. Про бабушку Юкио Мисимы читал, наверное? Рогатки... хороши вместо чеснока, на пути врага разбрасывать. Воронки для вливания нутряной воды... Крупноваты, на мой вкус. Это какое жадное чрево надо иметь, чтоб не лопнуть!

– Слушай, как, по-твоему, я смогу это выдержать? – спросил я с отчаянием в голосе, пожалуй, немного показным.

– Так мы этого и не применяем.

– А держать зачем?

– Для красоты, однако. Ну, пошутил я. Понимаешь...

Он вывел меня из застенка.

– Видал все эти двери? Чистой воды порталы. Магические или что-то вроде. Погоди, стой смирно и не рыпайся, дурень.

Он отворил одну, по-моему, наугад, бросил мою цепь наземь и зашёл внутрь.

Пол был усыпан сухими и вроде как цветочными лепестками, от которых шел странный, хотя довольно приятный аромат. Хельмут поднял горсть и просыпал назад через пальцы.

– Это, парень, самая что ни на есть лучшая информация. Главное богатство нашего времени. Вся мировая культура на этих чешуйках записана. А где чего есть – того не указано. Верхним чутьём берем. Потом перетаскиваем через порог – тогда уж явственно себя показывает. Но назад уж ее, стерву, нипочём не загонишь.

– Как в сказке. Открой ларчик в том месте, где бы ты хотел поставить свой любимый дом, но попусту внутрь не заглядывай, – заметил я.

– Именно. Эх, кажется мне, Бет тобой не напрасно занялась. Надежды подаёшь.

– Интересно как-то выходит, – сказал я. – Тащится вполне определенная тематика. Врачебно-пыточная.

– Не только. Тебе ж ничего другого не показали. Мы ведь сис-те-ма-ти-зырим, однако.

– А мечи, топоры, секиры и прочие окончательные орудия у тебя тоже отсюда?

– Ну нет. Во всяком случае, не главные. Меч – душа самурая. Слыхал, небось?

Тут он увёл меня на место (цепь послушно соединилась с кольцом), напоил молоком от расшалившихся нервов, очень ловко побрил опасной бритвой в форме полумесяца, вынес грязную посуду и, кстати, неоднократно использованный ночной горшок.

Оставив меня в лёгком недоумении. Будь мозги у меня посвежей да не так закинута, я бы просто паниковал. Молочко, между прочим, было неадекватное: вроде как сырой печенкой припахивает, подумал я.

И вмиг заснул.

Сквозь сон что-то робко пробивалось из меня наружу, чтобы встретиться с тем, что навязчиво лезло внутрь.

Волки пьют то, что люди едят. Потребляют в жидком состоянии то, что мы – в твердом. Во-первых, они что, не люди? По виду никак не скажешь. Во-вторых, что за фокус с их грёбанным широковежательным долголетием?

Я ел, оправлялся и спал. Иногда троича притаскивала каких-то человечков, допрашивала в виду комнаты с пыточными агрегатами и затем отпускала восвояси, несколько ошалевших. Беттина приводила и приносила всяких домашних любимцев: кошек, меньше – собак и прочих минипигов, кроликов и хонориков. По словам моего кормильца, тех, кто иначе мог сдохнуть взаперти или на слишком вольной воле. Хельм также говорил, что одичавшие собачьи стаи и отдельные шибко серьезные коты довольно быстро дают таким особям прикурить. Поэтому Волки на прощанье всех таких **касаются**, объяснил Хельмут. Ну да, как тебя самого, но послабей. Это даёт им некоторый шанс уцелеть в передрыге.

Так в еде и досужей болтовне, прошла неделя – Волки не торопились. Наконец, мой опекун явился с самого раннего утра в куртке, вывернутой на красную сторону, с какой-то особо торжественной миной на лице – и доложил:

– Назначено тебе. Семь смертей по числу семи смертных грехов. Гордиться можно, право слово.

При сих словах застёжки его дафлкота в виде четырех парных зверей – коровы, птицы, кота и непонятного крылатого создания – вроде как ухмыльнулись.

– Чем это гордиться? – поинтересовался я. – И вообще вроде как у меня одна-единственная жизнёшка была.

– Почем знать? Не попробуешь – не скажешь. Вон у кошки их точно девять. Проверено. Хорошо, не мной самим.

– А почему счет по грехам? У египтян десять казней было.

– Ух, начитанный ты – страсть! – проговорил он. – Не могу знать. По такой уж канве вышивали. Грехи тут скорей для виду. Подобие и прочее. Я уж говорил: нюхал ты, пил, любился во все лопатки (ясное дело, он выразился куда конкретнее), смолил сигарки со всякой дрянью, горел на постылой работе и рвался от нее на все четыре стороны. А со всего этого жизненного отрыва и руки-ноги бывали как не свои, да и головка ровно как с похмелья отваливалась. Так ведь человек должен получать кайф от Бога, а не от своих собственных эндорфинов, верно я говорю?

– Направление мысли понял. Голову отрубишь?

– Э, разве уж под самый конец. Если ничто иное не проймет. Такая смерть – самое честное, чистое и окончательное из всего. Да ты плохого не думай. Будем с тобой оба исходить из того, что ты уже умер. Отчего же не доставить нашим хоть чуточку удовольствия?

–хлопотно для тебя выходит. Почему бы не применить ко мне старую добрую пытку? Авось быстрее получится.

– Гонись не за количеством, а за качеством, – торжественно заявил он. – И разнообразием.

Уж не знаю почему, но никакой злости у меня к нему не было: то ли по причине вкусной кормёжки, то ли сходу синдром развился. Тот самый, стокгольмской жертвы, что ли. Или концлагерника.

Тут Хельмут снова вытянул цепь из стены, намотал мне на пояс и сказал:

– Давай-ка прямо сейчас и начнём. Не будем на завтрак тратиться. Отлил уже? Вот и ладненько.

Он взял меня под локоток, подвёл к одной из дверей (я еще удивился, что могу переступить своими ногами) и распахнул ее во всю ширь.

Зал был круглый, как коробка из-под торта. Над богатым мозаичным полом, разделённым от центра до окраин на черно-белые дольки, ходила, точно маятник Фуко в Исаакиевском соборе, длиннейшая веревка с петлей.

– Вот, зацени, – произнес Хельмут. – Свежайшая пенька, не какой-нибудь лён иди джут. Ты внюхайся, как коноплей-то пахнет! Не так давно все плантации под корень извели, дурни, хоть тебе индийская, хоть российская, хоть средиземноморская. Только они заново произросли всем на радость. Прикинь, какой чудный секс у тебя будет с самим собой на такой веревке!

– Вешать собираешься? – уныло спросил я.

– Не собираюсь. Уже.

Хельмут по-хозяйски проверил узел и натяжение. Отодвинулся за пределы мозаики. Я поднял очеса кверху – и не увидел там ничего путного: так, темноту какую-то, туман, в котором терялась моя новая пуповина. Опустил их книзу – душа моя страданиями уязвлена стала.

Ибо пола не было. Только некое звёздное скопление, что закружилось, затанцевало вокруг оси и вместе со мною рухнуло вниз, по пути разбившись на осколки. В зобу дыханье спёрло, шею перехватило как раскалённым обручем, а перед глазами поплыли бледно-красные колёса, мошки, цветы и зигзаги, как на белом снегу в яркий солнечный день. Я летел, пробирая галактику с ее широко раскинутыми спиральными рукавами, через Вселенную – прямо насквозь, чудом минуя млечные сгущения и дырки в этом сыре. А потом остались только свет и белизна. Я поперхнулся ими – и умер.

Очнулся я от негромких голосов:

– *Кугэ* он видел, по-моему. Цветы бытия в пустоте.
Судя по голосу, то был Иоганн Волк.
– Хоть это благо, – отозвался Гарри. – Оставляет надежду.
– А как насчет музыкашки сфер? – добавил третий из их компании. – Слышал он что-нибудь, кроме гула в ушах?
– Кнехт постарается у него уточнить. Но не думаю. Рановато.

Так думаю, сразу после того наступила ночь – я уже начал замечать, что уходят эти трое главным образом после того, как Хельмут объявляет мне ужин.

Тут он как раз и возник. В сугубом трауре.

– Как ты – ничего? – спросил заботливо.

– Горло болит. И внутри, и снаружи. Продуло, наверное...

«Или с веревки сорвался, – подсказало услужливое подсознание. – Забыл? Вешали тебя, милоч. Он же, кормилец твой, и вешал».

– Ничего, Андрей, сейчас я мёду тебе отрежу. И вскипячу молока. Это внутрь, а снаружи спиртовой компресс бы хорошо.

– Влить в меня тоже стóит хоть поганую каплю, – посоветовал я.

– Нет уж, – как отрезал он. – Никакого алкоголя до самого завтра. Да тебе что? Странгуляционная борозда заросла почти, позвоночник не лопнул и даже диски нимало не потрескались.

– Ишь какие ты учёные слова знаешь.

– А ты думал – по-простому балакаю, так уж и совсем невежда?

Он отправился за добычей и вскоре принес огромный кусок сотового мёда, что прямо-таки сочился тягучей сладостью, и фаянсовую кружку с изображением полосатого и мохноногого насекомого.

– Вот. Жуй, глотай и запивай. Тут всё полезное: и воск, и остатки этих... сорванных печатей. Крышечек, то есть. Пыльца прессованная.

– Грабим беззащитных тварей, – сказал я скорее для того, чтобы проверить, как двигается во рту язык. Похоже, я его нехило прокусил во время предсмертных судорог.

– Никакого воровства, – мигом среагировал Хельмут. – По договору. Оплаченный спецзаказ. Да и пчела ныне уродилась аж со шмеля величиной, а трудолюбивая какая! Трутни – и те не покладая крыл в этот сезон работали. Такую команду грех не потрясти.

– Ты так говоришь, будто они разумные.

– Как иначе-то? Ну, разве королева – она в самом деле только плодиться умеет, с тех пор как жало притупилось. Юные принцессы мирным путем отделяются, благо мы им место даём. Только наследование путем поединка, когда старая хозяйка совсем одряхлеет, – это, скажу тебе, всё равно полный кошмар.

– Читал я Метерлинка, – перебил я его. – И Фарба заодно. Про муравьев.

– Ага, так ты знаешь, наверное, что люди промышляли бортничеством, а в муравейники попросту ноги совали, когда ревматизм одолевал? Подлая штуковина – пчел из борти дымом выкуривать и мурашей давить. Вот уж точно подлая и преступная. А у муравьев до чего умно устроено!

– Коллективный разум, – кивнул я, одновременно жуя липучую жвачку сот. Молоко давно кончилось – мёд был жуть какой приторный, – однако просить добавки не хотелось. Что-то в нем снова было так. Цвет, наверное: слишком нежный, даже розоватый чуткок.

– Разум? Ну да.

– И что мне в этих живых компьютерах?

– Куда лучше, чем изобретать хитрые железки. И зачем, когда нужное прямо в руки ему шло? Пчелы с самого начала были ради всеобщего знания сотворены. А мураши – чтобы с этим знанием управляться. Понимаешь...

Он забрал у меня кружку и плошку, но не унёс, а опустил на пол рядом со своим табуретом и продолжал разглагольствовать:

– Можно просто кормить пчелу так, чтобы самцы были чуток пободрее, работницы – не так целомудренны, воительницы не погибали от одного-единственного боевого укуса, а царственные самки – не очень злы. С умом, конечно, и с расчетом. Чтобы больше народу и куда больше связей получалось. Всё это человеку прямо в руки шло. С первого дня сотворения. А он пренебрёг и стал *хитником*.

Я понял: не только хищником, но вдобавок еще и вором.

– Ладно, – ответил я. – Урок закончен, надеюсь?

– Надежда никогда не бывает лишней, – философски отозвался мой дорогой палач и удалился вместе с посудой.

А на следующий день – снова:

– Давай поднимайся. Опростал нутро после вчерашнего? Смотри у меня: благородные напитки не след поганить.

Обмотал цепь вокруг моей поясницы – для тяжести, наверное. Подвёл к незнакомой двери:

– Входи, но поаккуратнее. Там почти от самого порога начинается.

Снова круглый бортик из металла, похожего на серебро. А внутри плещется нечто темно-красное, душистое... Огромный бассейн с вином.

– Будьте знакомы. Мальвазия, амонтильядо и вино папского замка в одном лице, – представил его Хельмут. – Только лучше. Вот уж упьёшься – прям завидно становится. Это, считай, почти что не казнь, особенно если напиток крепкий, а башка непривычная. Да, кстати, еще и вон сюда наберешь.

Откуда-то явилась небольшая амфора – эту форму я знал, подруги моей жены одно время были буквально помещаны на таких ароматницах, только чуток поменьше. Хельм протянул через ручки кувшина крепкую ленту и подвесил мне на шею.

– Вот. Так что давай окунайся и пей вволю. Лучше носом, как йог, быстрее достигнешь желаемого. Умеешь? Да не робей – представь себе, как во всём этом красивые женщины купались. Гетера Билитис или блаженная Маргарита. Герцог Кларенс, наверное, о таком только мечтал, пока его топили в дюжей винной бочке.

Он дружески пихнул меня в спину – одного этого было достаточно, чтобы я перевалился через бортик и начал погружаться на дно.

Неверно. Дна не было вовсе. Только жидкий... как его... кристалл, что назойливо проникал мне в нос, рот и легкие, без всяких усилий с моей стороны пропитывал мясо через широко открытые поры, дурманил и отуманивал мозги.

«Вино ведь – кровь земли, а мир – наш кровопийца,
Так как же нам не пить кровь смертного врага», —

шелестело забытые голосом Иоганна Вольфганга. Чьи были сами стихи, мелькнуло в моей башке. Омар... кальмар... лобстер... креветка...

– Поэт Умар Хайам, невежда, – ответил мне сквозь пелену хмельного забытья юморной голосок. – Он еще мечтал, чтоб его так и похоронили в винном кувшине. Чтобы мимо проходящие пропойцы одним святым духом похмелялись. Или то грузинский кинто пел? «Только я

глаза закрою – над ресницами плывёшь». У тебя самого – что плывет над ресничками? Цветы зла?

Нет, никаких вчерашних цветочков и узорчиков, хотел возразить я. Сплошная кровавая пелена. Как говорится, мы с тобой одной крови – ты и я...

Но тут всему настал конец. Мне тоже.

Когда я очнулся, Хельма поблизости не обнаружилось. Зато рядом сидел старший из Волков, который с некоторой брезгливостью наблюдал, как меня выворачивает наизнанку.

– Крепость не та, – заметил он.

– Чья – моя или вашего пошла? – воскликнул я с горестью.

– Обоих.

Он привстал с места и наклонился, пыхнув мне в ноздри трубочным ароматом. Вместе с беретом, лихо сбитым на правое ухо, и неизбежной курткой эта носогрейка придавала ему вид заматерелого интеллигента конца прошлых веков.

Я так думаю, с его дыма, который пахнул чем-то гречишным или вишневым, мне и полегчало. Хмель удалился восвояси, в членах появилась легкость прямо-таки необыкновенная, и сам себе я казался промытым и прозрачным насквозь. Как в первый здешний день.

– Меня притянули к тебе стихи Умара-Хаджи. Вспомнилось, как я учил фарси и арабский, чтобы читать в оригинале. Даже Фатиху умел написать как положено, слева направо. И касыды Хатема Таи. Его я избрал лирическим героем моего стихотворного Дивана...

– Я больше по части Киплинга буду, – перебил я. – И его кушетки.

Он понял:

– Это насчет одной крови? Или в смысле что Запад и Восток с места не сойдут? Не знаю, откуда это проникло в твою голову. Хотя вино – не только символ крещения в духе, но и метафора той священной жидкости, того *ихора*, что течет в жилах мироздания и творит его целым. Единым существом, понимаешь ли? Ведь в крови – те же молекулярные цепочки, что и в любом клеточном ядре. Круговая кровная порука всего мира. Когда любая часть его знает всё о других членах и умеет прийти на выручку.

– Членов вроде как всего пять, – прокомментировал я.

Он проигнорировал высказывание, только сильнее запыхтел своей носогрежкой.

– Вот вы расшифровали человеческий геном. Много вам с того вышло радости?

– Да уж явно не больше, чем от взлома атомного ядра, – пробурчал я.

– Потому что похищаете то, что на иных условиях и в иное время было бы вам дано с радостью. Но вы же не хотите ждать милостей? Вам мерзостно предлагать природе жертву, как в старину? Уворовать всегда кажется более простым.

– Ну да, слышали мы бубны за теми горами, куда Макар телят не гонял, – тем же тоном проговорил я.

– Насчет врага святой Умар, пожалуй, вывернул ситуацию наизнанку. Не мир вам враг – это вы враги миру.

Вот даже как? Не очень давно по палатам расхаживал такой поп, обносил умирающих причастием. Меня тоже обнёс. Дело в том, что отец Херувим или Серафим – точно не помню, – причащая со своей серебряной ложечки, всякий раз читал коротенькую проповедь на тему греха и искупления. Выходило так, что быть противником миру, падшей природе и дьяволу, что за ними обоими прячется, – самое то. Я ругнулся из последних сил, что во мне оставались, а он, как говорится, не остался в долгу.

Только, знаете, одно дело, когда ты защищаешь сатану, но совсем другое, когда он тебя. Или не защищает, а именно что наоборот. Хотя и придерживаясь одной с тобою точки зрения...

Нет, я точно еще не протрезвел и вконец запутался.

В чей конец, интересно?

Клянусь, уж этого я вслух не произносил. Небожитель, я так полагаю, уловил идущие от меня эманации и рассмеялся.

– Не прошу со мной соглашаться. Этого вообще не нужно. Просто думай, пока позволяют. Это ведь легко – объявить сатану врагом Бога, а природу – его детищем. Чтобы без зазрения совести манипулировать ею – и образом Светоносца тоже.

Выбил тлеющую трубку о ладонь, будто рука была у него негорючая, встал и удалился.

Не успел я чуток охолонуть от сей загадочной беседы, как по мою душу явился Хельмут, удрученный донельзя.

– И с чего это ты нашего мэтра так обхамил, – сказал он. – Ладно, не обхамил – просто отвечал *не вполне адекватно*. Он тебе мудрость веков – а ты в ответ свои вульгарные мыслишки толкаешь. Вот и получишь завтра по полной, как говаривал ихний коллега Влад Цепеш.

Это имя возбудило во мне какие-то сомнительные этимологические ассоциации. Ну и фразка выродилась, однако! Верный грех блудословия.

– Так что завтра снова готовься. Нет, что за напасть – даже передохнуть не дают человеку! – продолжил Хельм.

– Кому – тебе или мне?

Он только хмыкнул с укоризной:

– Тебе, может статься, и приходится терпеть, но исхитряюсь да изворачиваюсь один я. Ты лишь по течению плывёшь, однако. Да, кстати, на аппетит тебя не пробило?

К своему изумлению, я понял, что не прочь опустить в свою чувствительную утробу что-нибудь не совсем железобетонное.

– Ломтик свежего хлеба с рожками, – сказал я. – Черно-синими такими. Если уж нельзя прямо кислотой закинуться.

– Какой – уксусной? – произнес он. – Не пробьёт. Это ж эссенцию надо тридцатиградусную. Да тебе вообще никакой наркоты давать не велено. И бесполезно, кстати.

– А если без пользы, так отчего ж нельзя?

– Спроси чего полегче, парень. В этой конторе не я рецепты выписываю.

Хлеба он, однако, принёс. Крупнозернистый серый ломоть, который пахнул как сто пекарен вместе взятых. Не со спорыньей, конечно: всякий тебе скажет, что от нее бывают антонов огонь и пляска святого Витта, а это в целом еще и покруче СПИДа. А для запивки снова это молочко от бешеной масайской коровки! Теперь, наконец, я понял, в чем дело: в него щедрой рукой плеснули этот самый, символический аналог вина. Причем в абсолютно сыром виде. Бр-р!

– Это против малокровия, – пояснил Хельм, когда я скривил гримасу. – Ты завтра её почти целиком потеряешь.

– Представляю, – буркнул я и поскорей завалился на свое ложе. Чтобы не блевануть ненароком.

А наутро я проснулся оттого, что мой палач тряс меня за плечо:

– Давай собираться. Сегодня без железа пойдем, он того не выносит.

– Кто?

– Увидишь, – Хельмут одним движением разомкнул обруч и снял с моей талии.

В зале, куда он меня привел, были высокие своды из такого же мрамора, что пошёл на станцию метро «Кропоткинская», даже еще лучше: розовато-бежевого, с тонкими прожилками более тёмного оттенка. Пол был тоже такой и слегка грел мои босые ступни.

– Вот, снимай портки и валяй на середину, – скомандовал Хельм.

Там что-то вырастало из пола – неторопливо, как росток бамбука. Того же телесного цвета, слегка суженное к концу...

Кол. Пока лишь колышек. Совсем нестрашный с виду. И слегка закругленный на конце.

– Вон оно что. На хрен, выходит, посадите.

– Волки говорят, что у тебя идефикс, зациклился, в общем, на таких штучках – просто с губ не сходит. Так что решили порадовать.

– А как-нибудь понезатейливей меня нельзя было прикончить? Ну, хоть лошадьми по старинке разорвать.

– Никак нет. Сразу и лицо потеряю, и квалификацию. Да и где ты тут лошадей видел? Невинные твари, однако.

– А насчет моей половой ориентации ты не ошибся, часом? Куда его вставлять, такого?

– Ничего, он хоть и слепой, а дорогу себе найдет, не сомневайся. В общем, не валяй ваныку, как на фронте говорят. Ложись наземь, зажмурь глазки, чтобы не так страшно было, ноги на ширину плеч – и представляй себе кадр из фильма «Пан Володыёвский», что Сенкевич написал. Вдохновляйся.

Не слушать Хельмута показалось мне накладно: ведь не зря он предупреждал, что при случае одной левой прихлопнет. Я вышел на арену, лёг навзничь, и тотчас нечто мягкое проросло из пола, прихватив руки и ноги намертво.

Существо среагировало незамедлительно: росток хищно изогнулся в мою сторону и потянулся к промежности. И – о ужас! – на том месте, где у пениса бывает нечто вроде слюнявого ротика, по всей длине прорезались острые акульи зубки. Я представил себе, как они вгрызаются в мою мошонку или анус...

Нет, в обморок я не хлопнулся, тем более что было некуда. Только отважно стиснул зубы и приготовился вопить.

– Парень, тебе мягкий кляп не дать? – донесся до моего слуха голос. – Прямо весь изнутри скрежещешь. Дантистов мы тут не держим, прикинь.

А тварь тем временем...

Нет, это было не так больно, чтобы я не испытывал стыда, и не так стыдно, чтобы этот садизм можно было перенести хоть с каким достоинством. Куда **оно** внедрилось, я не понимал – мне было не до того. Я орал, пыхтел и изворачивался, как мог, но **ему** было хоть бы хны. **Оно** просверлило себе дорогу через мои мягкие ткани, со скрипом раздвинуло кости и упорно завоёвывало всё новые территории, нащупывая себе дорогу сквозь малый таз, большой таз, извивы тонкого кишечника и большую почечную лоханку. Смешно, что по мере прохождения все эти наполовину реальные, наполовину фантастические термины прямо всплывали у меня в голове. Процесс, обратный родам, подумал я. И даже какой-то вывернутый наизнанку секс. Будь у меня внутри этот... самый замечательный женский мускул...

– В мужском теле на один орган и одно отверстие меньше, чем у женщины, – произносил тем временем прежний едкий голосок. – Стоит хотя бы таким образом восполнить недостачу.

Кишки липли друг к другу и стонали, как нищие на паперти. Живот судорожно дёргался, его распирало чем-то на грани чудовищного наслаждения, некие встречные волны пытались вытолкнуть пришельца, но это было уже почти безболезненным – как будто мы с ним миновали некий порог. Диафрагму. Или всё-таки плевро?

Подобие нервного чиха или спазма. Или – оргазма. Я еще хихикал, точно от щекотки, когда **оно** пулей прошило левое легкое и тупо ударило в сердце.

Я снова очнулся, но в каком-то непонятном мире. Будто на каждом из моих пяти чувств подвинтили настройку, и контуры вещей стали куда чётче прежнего. Но все равно ничего толком не распознаешь. Хорошо обрисованная абракадабра, одними словами. И еще это кислое нытьё вдоль всего станового хребта и урчанье в кишках.

– Хельмут, – простонал я, еле приподнимая дурную голову. – Снова прокол, блин. Форменный. Ты там где?

– Творческую неудачу изволят оплакивать, – произнес над моим простертым телом ележный голосок. – Надо же, он считал, что хоть теперь от тебя избавится.

Волк Амадей.

– Ты... вы чего?

Компромисс между вежливостью и нахальством. Чтобы не сказать – наглостью. Из всех здешних типов он менее всего располагал к себе, но как легко нарваться на очередную неприятность, я себе тоже уяснил.

– Вместо няньки при тебе работаю. А ты что думал, человечек? Ах, так ведь вы вообще думать не изволите. Это, собственно говоря, неплохо для наших общих целей. Кстати, Хельм завещал дать тебе чего-нибудь на зубок, если понадобится.

Я вспомнил совершенно другие зубки, и меня аж передёрнуло, как шулерскую колоду.

– Благодарю, как-то душа не принимает, – ответил я мрачно.

– Субъект утверждает, что у него имеется душа, – ответил он, впадая в менторский тон. – Однако не вполне ясно, на чём основано сие утверждение.

– Ну как же, всякие там Писания... – промямлил я, не без веских причин полагая, что слово «священные» может только его раздражить. Или раздразнить.

– Какие именно, не затруднишься мне объяснить? Лично мне внушали, что у Всевышнего не хватает подарков на всех. Тем более никто из гоев, да и из народа Книги, пожалуй, не хочет получить душу, хотя бы однажды употреблённую в дело. То бишь реинкарнированную. Оттого и рождаются люди куда худшие, чем скот, который в качестве душевого вместилища в принципе не используется. А количество эрегированных сапиенсов поистине ужасает. «Плодитесь, размножайтесь и наполняйте землю». Хм. Восемь миллиардов человек – это даже не «плодитесь», это гораздо хуже. Типа «...и не позволяйте никому другому делать то же самое». Что скажешь на это?

– Ничего, если разрешите. Как-то отвык от непотребных слов.

– И от вечных истин?

– К вечным истинам я как раз отношусь с уважением. Иногда вообще с пиететом.

– По-прежнему дерзок, – комментировал он с неким удовлетворением в голосе. – И необуздан. Форменный злостный еретик. Что ж...

Он повернулся было уходить, но передумал. Мимоходом отворил портал здешнего архива и вынес оттуда один из «лепестков», что валялись у порога. Это оказался клавесин, а может быть, челеста или даже фисгармония. Не разбираюсь в таких делах, но тягучий звук слегка расстроенного инструмента явственно напомнил мне органную музыку, которую я слушал накануне Событий в костёле святого Людовика.

Волк Амадей тем временем играл нечто, похожее на шум ливня и вой ветра, пригибающего к самой земле колосья, поникшие от влаги. Казалось, они оба, и мой темный ангел, и его клавир, говорили: «Цивилизация – это наработка на Суд. Разве ты не слышал такого? – пели трубы и струны. – Вы обречены, а спасение... Неоткуда ему прийти. Плачь, плачь, земля...» Звуки отдавались под сводами гулким раскатом грома и вновь сникали, точно сломленный стебель травы. Кажется, я плакал тоже. Хотя что за чушь – с чего бы это?

Хельмут явился под утро – почти сразу, как Вольф Амадей ушел сам и укатил свою шарманку на колесиках. Разумеется, мой шеф был в куртке, повёрнутой на красное. Этакий компас моих испытаний.

– Ну, держись, – проговорил он. – Что-то такое они все в тебе углядели – скверней не придумаешь. Разнюнился, говорят, и впал в слезливый пафос.

– Он мне втирал, что все достижения человечества...

– Пыль на ветру и зыблемый бурей тростник. Мыслящий. Да брось! Уж он такой, этот музыкодел. Талантлив до гениальности, однако сквернословить умеет не хуже, чем играть.

– То-то он меня побуждал к состязанию.

– А ты не поддался? Зря, парень. Не так обидно сейчас было бы. Вставай, однако, и пойдем потихоньку.

В помещении, куда он меня приволок – ходить я мог с известным трудом и только враскоряку – пол был оранжевый и в середине как-то странно мерцал и переливался. Посередине возвышался осанистый столб с цепями, обвитыми вокруг него, как плющ.

– Давай прямо туда, – скомандовал Хельм.

Я впервые пожалел, что меня держат необутым: пятки изрядно припекало. Хельм предусмотрительно надел башмаки без завязок и на толстой подошве, но и она слегка покорибилась. Страшно было подумать, что случилось бы тут со шнурками.

– Вот, – сказал он, деловито взяв цепь. – Я тебя прикреплю, а остальное делается само по себе.

– Костёр, – догадался я.

– Еретик – еретиково. Никак не иначе, – ответил он. – Курил, наверное, без оглядки? Дымил на окружающих, как паровоз? Ну ничего: прими это как личный карманный ад. Огонь вынести не трудней, чем хорошую ломку, а к тому же...

Он показал мне на стену напротив. Там возвышалось подобие средневекового осадного орудия.

– Если будет совсем невмоготу, только крикни – я болтом в тебя пальну из арбалета. Но ты уж постарайся хоть на этот раз честь соблюсти, ладно?

– Слушай, друг. А если я вот так, с ходу, тебе сдамся?

Хельмут покачал головой и ответил самым серьёзным тоном:

– Андрей. Ты ведь давно понял, что стал другим. В какой мере – никто не знает. А просить пощады перед боем – вообще позор, каких мало.

В этот момент снизу пыхнуло жаром, как их преисподней, и он заторопился. Соединил на мне концы обвязки и отошел к стенке.

Пламя поднялось снизу аккуратной золотисто-алой горкой и сначала только лизнуло мне щиколотки – наверное, хотело попробовать на вкус. Потом стало расти и нагнать – не понимаю, как я сдержался, наверное, снова прокусил язык или губу. Мысль, что Хельмут рядом, хотя без сильной нужды всё равно не поможет, придавала мне сил. Но когда огонь охватил меня целиком и полностью загородил окружающее, силы кончились вместе с надеждой.

Глаза вытекли почти сразу. Кожа лопалась, как на перезрелом плоде, мясо шипело и пузырилось кровью. Только вот странное дело: боль была, и невероятная, но вроде как не моя. Вернее, она была мной, но я ею не был.

Потому что когда вокруг не стало ничего, помимо огня, всё прочее перестало быть. Вовсе не я беззвучно извивался и корчился на цепях. Ибо я сам был пламенем, на котором сгорал, и миром, к которому принадлежал этот огонь. Всем миром, который уничтожил моё тело и взял себе то, что осталось.

И тогда я вывернул себя наизнанку и выбрал боль, пламя, Хельмута и его стрелу, приставившие тёмных ангелоидов, город, поле, день и ночь...

... в свою душу.

Поправлялся и наращивал новую плоть я медленно, стараясь не совершить ничего такого, о чём после бы пожалел. Самое трудное было – крепко пришвартоваться к тому, что от нее осталось, без этого не получалось ничего путного. Но всё равно, по большей части я парил над прежним собой в виде некоего облака, откуда слышались чужие голоса. Мыслей не было, радости и сожалений – тоже.

Хельмут не пытался больше меня кормить, только приносил иногда свежее молоко, сдобренное кровью для лучшей усвояемости.

Зато ко мне зачастил Гарри. Локоны его развились и упали на плечи: оттого он сам казался не таким красавчиком и далеко не таким гордым. О чем мы беседовали, передать трудно. Правда, именно от него я узнал, что каждый из ангелоидов носит популярную личину, которая так срослась с его земной сущью, что он говорит, мыслит и даже чувствует от имени этого заёмного персонажа.

– Однако это не ложь, – объяснял он мне. – Тех людей уж нет, и они – где бы ни были – не желают продлевать земное бытие. Оттого нам позволительно и даже лестно участвовать в игре, облекшись их сущью. Ведь мы как бы пьём, вбираем в себя всё то, что они считали собой и что ныне им более не нужно.

– Ты пока равен лишь себе самому, мон Анри, – говорил он далее. – Оттого сейчас тебе трудно. Когда Амадея терзала лихорадка, лучшие мелодии из тех, что он из себя родил, собрались у ложа, чтобы проводить отца в последний путь. Я провёл годы и годы, прикованный параличом к моей матрасной могиле: только стихи утешали меня, стихи и воспоминания. Я сочинял и переделывал на свой лад те, и другие. Жил в них – молодой, красивый, удачливый в любви, романтичный в ее терзаниях. Беттина... Нет, о ней пока умолчу. Не дело раскрывать тайны дам в их отсутствии. Но вот Иоганн. Ты знаешь, он изведal все те соблазны, что и мы трое, даже много более того. Женщин у него было, что раковин на морском берегу, и каждую он любил со всей страстью, каждой отдавал одну из своих бесчисленных душ. Умер он в годах, которые даже ваше время считает преклонными, но тело его оставалось телом античного борца. В самый последний миг рука его, казалось, писала стихи или философский трактат о природе небесного света. Вот он при жизни достиг всей мыслимой для человека мощи.

– Выходит, напрасно я к нему так отнёсся? – спросил я.

– Ничего не происходит без веской на то причины. Ты несовершенен: оттого удовлетворишься пока этим моим ответом.

После того никто из них не обременял меня какими-либо особенными признаниями. Однако со своего места я легко мог наблюдать за их повадками: привилегия домашнего животного, кота, к примеру. Кто не знает, что он всегда умеет отыскать в доме выгоднейшее место обзора, своего рода рубку, и вообще – самый лучший командный пункт!

Судя по всему, все четверо были андрогинами: не трансвеститами, к кому я уже привык на воле, а существами сложной алхимической природы. Не раз я заставал Гарри в объятиях Амадея, причем лицо и фигура первого под мешковатым дафлкотом слегка, но несомненно изменялись, как поверхность пруда под дождем. Беттина кокетничала попеременно со всеми тремя Волками, но подстраивалась только к Иоганну, который в ее присутствии гораздо больше смахивал на Зевса в ореоле громокипящих кудрей. Лишь однажды Амадей заставил ее черты слегка поглубеть, а фигуру – расплыться в талии. Когда его метаморфичный инструмент умолк, она, по всей видимости, спохватилась, что теряет обаяние, и вернула себе прежний изысканный облик.

Да что там: всё вокруг – мой костюм, моя убогая посуда, убранство камина, лаконичный интерьер залы – представало моим взглядам изменчивым и неизменно чарующим, как огонь.

За всем этим я почти забыл, что испытания мои далеко не пришли к концу.

Напомнил об этом, разумеется, Хельмут. Снова с самого раннего утра и опять до трапезы, которая состояла вчера вечером из чашки особым образом сквашенного молока без иных примесей. Я думал, лопух, что это к удаче.

– Вот, братец мой, сегодня будет самое трудное, – сказал он, теребя застёжки своей красной мантии. – Чёрт, я ведь думал – обойдется.

– Ладно, чего уж там, – ответил я в приливе душевной щедрости. – Веди нас, Сусанин.

Боковым зрением я уловил начертание и смысл надписи над очередной дверью: «Свад-хиштхана», иначе говоря, «Приятная». Это я по-каковски читаю, интересно?

Внутри открылась городская площадь с довольно миленькими домами в стиле «средне-вековой фахверк», то есть с темными полосами по белой штукатурке, что расходились и пересекались под острым углом. Посередине возвышался помост. На помосте виднелось колесо довольно неказистого вида и размера, укрепленное на шесте в положении поперек.

– Каретное, что ли? Вроде маловато.

– Тебе, может, от мерса приволочь или вообще от КАМАЗа? Перетопчешься.

Он снял колесо и кивнул:

– Раздевайся и ложись. Не на него пока, а рядом. Вон на эту доску для разделки мяса. Руки над головой, ноги на уровне плеч, пожалуйста.

И накрыл меня второй такой же плахой. Будто я человек-сэндвич.

А и в самом деле, бывало такое в моей биографии. Продавал и сам продавался.

Затем он ударил по нам ободом колеса.

Костей не переломишь, не положив их на что-нибудь твёрдое, – так было сказано в моей любимой книге Халлдора Лакснесса. Или не зажав их между досками.

Нет, было это не больней, чем зуб дернуть без анестезии. Только если у тебя таких зубов десятка четыре по всему телу...

Слегка надоедает, знаете.

А потом мой палач поднял мягкую, кровоточащую куклу, в которую превратилось мое бывшее тело, и заплёл в колесо, продевая веревки через каждый новый сустав, пока пятки не сомкнулись с затылком. Пенька, я так думаю, снова была высший класс: корабельный канат с красной нитью или типа того.

Сам подняться на здешний кол Фортуны я, натурально, не мог. Сделал это Хельмут. Забил вместо оси порядочный шкворень и чуть повернул для проверки.

– Ну как тебе эта карусель?

– Ништяк полный, – прошелестел я. – Что вверх, то и вниз. И вдобавок уже пополам переехали.

– Верно говоришь. Коли уж случилось самое плохое, что могло произойти... Калиюга... Калка...

Конца я не услышал.

Хотя, как выяснилось, потерял сознание только на время.

Дни степенно волочили ноги за днями. С высоты здешнего вороньего гнезда мне открывалась уютная жизнь местных обывателей, которые торопились на рынок – по воскресеньям его разбивали на одной из сторон квадратной площади – или в аптеку за мазью для чирьев и настойкой от любовных скорбей. Бодрой рысцей поспешал в ратушу чиновник средней руки, степенно шествовали городские старшины, каждый с широкой золотой цепью на шее. Купцы пересекали площадь нарочито деловой походкой. Иногда проезжал всадник на меланхоличной кобыле саврасой масти: здешний полисмен. Кираса была ржавой, кобыла роняла на булыжник мостовой тёплые яблоки. Их тотчас подбирали мальчишки: торговать на базаре или швыряться в зануду преподавателя. Торговки ругались, когда школяры подходили слишком близко со своим пахучим товаром, те в ответ бросались камнями и опрокидывали прилавки со съестным прямо себе в рот или за пазуху. Тут вмешивался стражник и грозил колотками и позорным столбом, со значением кивая в мою сторону. Потом они мирились под звон колокола и всем скопом отправлялись к большой мессе.

Вечером дневной жар утихал, и на променады выходили гуляющие девки в добротных парчовых платьях с голыми плечами и кружевной оборкой понизу. Грязная мостовая им не нравилась, они брезгливо поджимали алые губки и подбирали юбки повыше. Стражника эти красотки не ставили ни в грош, ни в полушку, но с купцами и старшинами побеседовать соиз-

воляли. Тугой мешочек переходил из рук в руки, парочка скрывалась из виду в ближайшей подворотне.

Среди ночи неизменно являлся Хельм, снова в чёрном. Предлагал:

– Ты только скажи – я тебя дрыном против сердца ударю. Имею такое право.

Я отрицательно мотал головой – язык и горло меня не слушались.

А колесо моё всё плыло и плыло над головами....

Калачакра – колесо судьбы. Сансара – колесо жизни.

Время было неподвластно мне, но и я был неподвластен времени. На своём дощатом корабле я ощущал себя вне жизни, вне судьбы, вне любых уз и пут.

Так длилось, пока, наконец, глас свыше не возвестил:

– Что ты медлишь? Сойди с колеса!

– Как я могу? – громко подумал я.

– Просто захоти. Ты один властен над собой.

– Верно, – ответил я.

И сорвался в холодную и сырую бездну.

Вытащил меня оттуда деловитый басок моего шефа:

– Разве было можно этак увлекаться? Суета всякая ветхозаветная...

– Всего лишь начало Нового Времени, – отвечали ему. – Ты бы его еще на Лестнице Гигантов установил, что в дивном граде Венеция.

– Ну и перележал немного, – успокаивал некто третий. – Слегка протух и завонялся, между прочим. Да ладно, операция и не такое поправляла. Между прочим, заявлено право ещё на две попытки.

– Ами и остальные, не забывайте насчёт моих интересов, – вклинился в беседу светлый голосок, живо напомнивший мне о том, как проститутки торговались с будущими клиентами. – Хельмут моё место перенял, помимо прочего.

– Бет, успеется еще. У тебя чего, критические дни к самому горлу подступили?

И они ушли, оставив нас с Хельмом наедине.

– Вот какое дело, – начал он, покряхтев для разминки. – Восстановился ты, как, уж верно слышал, только отчасти. Руки-ноги не работают и работать не собираются. Да ещё подгнивают маленько. Гангрена прикинулась, не иначе. Надо было там, в городке этом, меня слушаться. Волки, правда, считают, что так тоже неплохо: сам с колеса снялся, по наитию.

– Так в прошлый раз от меня вообще рожки да ножки оставались, – слабо возразил я.

– Ну, допустим, торопятся они, – ответил Хельмут. – Тоже понять можно. Еще через две процедуры тебя пропустить требуется.

– Прямо сейчас?

– Как знаешь. Я тоже, между прочим, не железный, а тут нужны точность и срочность. Пока дурная регенерация своё не поимела.

– Ампутация без наркоза, – догадался я.

– Угу. Мы тут совещались, что надёжнее: четвертовать или поработать четырьмя лошадами Апокалипсиса. Типа то ли оторвать, то ли отрезать, то ли всё вместе и сразу. Решили – хватит с тебя театра, миракля и прочих площадных издевательств. Ножи у меня заранее наточены, так что больших проблем с этим не ожидается.

– Ладно, чего уж тянуть, – согласился я. – Он сказал «поехали» и махнул рукой, одними словами.

– Тогда погоди еще самую малость, ладно? В самом деле поедem.

Он удалился в архивное помещение и минут через пять выкатил через проём выдавшую виды хирургическую каталку.

– Господи, Хельм, это что – тоже раритет?

О том, как ловко он определил нужное среди всяких там лепестков, лоскутков и сухих листьев, я даже не заикнулся. Видать, заливали они все насчет непредсказуемости находок.

– Он самый. Раритет и антиквариат. На этой кровати лежал последний на Земле смертник. Видишь, какие наручники и наножики по сторонам болтаются? Потом уж убийц и гомосексуалов никаким ядом не травили: зара́з пожизненное. Давай сюда переваливайся – и вперёд.

– Сугубая проза, причем реалистическая, – пожаловался я, карабкаясь на средство передвижения.

– Ничего, вот приедем на место – и будет тебе полный киберпанк, – утешил он. И пока-тил меня по направлению к предпоследней двери. «Манипура», мелькнуло у меня в голове. «Жемчужный город», услужливо перевело подсознание.

В самом деле – то место, куда мы прибыли, больше всего напоминало внутренность огромной полой жемчужины или ракушки: нежные переливы перламутра, игра серебристых теней, ручьи радужных бликов. Четверо животных, отлитых из чистого золота, сидели у стен, повторяя своими формами тех, что служили двойными застёжками на парадной Хельмутовой униформе. Лев, бык, орёл и ангелоид.

А посередине сего невыразимого великолепия...

Чёрт и еще раз чёрт.

Круглая блядская кровать под стёганным атласным покрывалом белого цвета.

– Нам разве туда? – возопил я всеми порами моей новообретённой души. – Запачкаю ведь своей кровищей.

– Ничего не попишешь – алтарь, – отозвался Хельм, причалив каталку и с трудом переваливая меня на роскошный палевый шёлк. – Как приказано, так и делаю. Чёрная месса навыворот, чтоб им пусто было.

Здесь было вполне светло, однако он всё-таки прилепил на мой живот горящий огарок и поместил в головах и ногах ложа по высокому разлапистому восьмисвечнику. Посередине ветвей, каждая из которых оканчивалась толстой, короткой свечой из белого воска, торчало навершие в форме еловой шишки. Пламя трепетало, как пойманный заяц, и дёргалось наподобие картинки неисправного ти-ви.

– Вот, смотри.

Он распахнул полы куртки и продемонстрировал два тесака с широкими лезвиями и острым кончиком.

– Эти ножи не просто заточены как нельзя лучше. Во всякой плоти, и в твоей тоже, существуют некие пустоты. Я умею находить места, где мясо, жилы и кости не соединены или срастаются непрочно. Когда я провожу лезвием по этим пустотам, части тела отделяются почти без усилий. Оттого я не устаю, а ножи никогда не теряют своей остроты.

– Можно держать пари, что один из них тебе подарил тот мясник из даосской притчи, которого царь хотел пригласить в свои вельможи, – отозвался я, чуть приподнимая тяжёлую, как чугун, голову. – Разумеется, мясник отказал. Говоря, что здесь он на своём месте, а что до двора – это еще смотреть надо.

– Властитель был умней, чем ты думаешь: он употребил сослагательное наклонение, – ответил Хельм.

Захватил левой рукой мое правое плечо – и полоснул ножом чуть ниже своих пальцев.

Десница отделилась в три приема. Та же горькая участь – уже от другого лезвия – постигла и мою любимую шуйцу.

Я закричал – но не от боли, всего лишь оттого, что золотые фигуры ожили и ринулись к нам. Когда от меня – одна за другой – отпали и ноги, каждый зверь подхватил свою долю и сожрал в один момент. Небольшая заминка вышла у ангела с его крошечным, как гузка, ротиком. Кровь собралась в круглые шарики и стекла вниз, где впиталась в жемчужное покрытие. Звери попробовали было слизнуть капли, но когда это не удалось, вернулись на прежние места.

– Вот и всё, малыш, – сказал Хельмут, утирая пот. Всё-таки устал или только перенервничал? – Теперь лежи и думай. Боль пройдет, культы зарастут, а когда придёт Беттина...

– Выйдет сверхдолжная попытка, – вклинился я в паузу.

– Беттине трудно отказать – ты ведь ее личная добыча. Притом она хочет ребенка, а это им трудно. Чем дольше живёшь на свете, тем про-бле... драматичнее размножение. Да и тебе напоследок полагается женщина, так что всё совпало.

– Они в самом деле андрогины или мне почудилось?

– Смотря как эти дела понимать. Вот Гарри, как ни смеются над его бабскими ухватками и манерничаньем, никак не сумеет зачать. И Амадей. А Ганс... Говорят, в своей новообретенной молодости он произвёл сына от плоти своей, но никто иной в том не был замешан. Уж больно сильно в нем было мужское начало.

– Полная Урсула Ле Гуин. Левая рука...

Я не договорил – утихшая боль проснулась и воткнула в упомянутую конечность острое шило.

– Это у тебя фантомное, – утешил меня Хельм, заметив гримасу. – До нашей Ханни должно вроде утрястись.

– Ханни. Медок. Это от волос пошло?

– Угм. Иоганн ее зовет еще Медовушка или Ламбель, как у Стендаля. По причине склонности к террору. Видишь ли, она из чистого садизма любит уткнуть мужика носом в перины и трахать сзади.

– Куда и, главное, чем?

– Не интересовался, право. Не был удостоен такой чести.

Он снял с меня восковую лепёшку с остатками фитиля, накрыл то, что осталось от моего дорогого туловища, куском материи, расправил свою чистёхонькую мантию – и удалился.

Я лежал смирно, как опара хорошо затворенного кислого теста, которую домовитая хозяйка поставила под чистую ширинку расстояться. И, не прилагая к тому никаких усилий, знал, видел и чувствовал всё, что происходит вокруг меня.

Тонкую розоватую кожицу, вмиг затянувшую срезы.

Зверей, которые окончательно успокоились и спрятались в горельеф.

Хельмута в черной с серебром рясе.

Амадея за фисгармонией и его слушателей: Иоганн подпёр рукой чуть отвисший подбородок, Гарри теребил глянцевый локон, Беттина расстёгивала свой дафл, под которым было телесного цвета трико. Оно делало ее похожей на целлулоидного пупса времён моей первой молодости.

Также я догадывался, что в эти давно прошедшие годы был девочкой, Беттина же – тем самым созданием, которое готовилось нынче получить от меня ребенка. К чистейшему желанию не примешивалось ни капли похоти и садизма.

Потом девушка разделась до самой кожи, бледно-смуглой, кивнула Амадею и прочим и, как была босая и нагая, подошла к моей двери.

Что-то набухло в моём исстрадавшемся чреве и прорвалось наружу, словно почка или бутон. Покрывало скользнуло в сторону. Пупок стал как тупой наконечник копья – и пророс навстречу той, что прошла сквозь портал храма, стеблем великолепного лотоса.

Лотос призывно раскрылся навстречу женщине – в его чашечке сияла неземным блеском чёрная жемчужина.

– Ты даришь ее мне, – наполовину воскликнула, наполовину спросила Бет.

Села между моих расставленных ног, наклонилась, еще больше сминая складки покрывала, и взяла жемчуг своими яркими губами. Проглотила. Выпрямилась, стоя на коленях, – пламя свечей одевало каштановые пряди точно нимбом.

– Теперь я уйду, – проговорила она. – Уйти мне? Говори.

Слово «да» в иных языках короче слова «нет», в иных – длиннее.

Я не произнес ни того, ни другого, и она поняла.

Оперлась на руки и слегка приподнялась над моим безгласным и неподвижным телом. Затем ее сильные ноги стиснули мою талию, будто древний пояс невинности, бедра раскрылись, и влажные двойные уста проглотили мой бутон, который стал наливаясь вновь – дабы цветок распустился уже внутри моей возлюбленной.

И несравненное по красоте ожерелье из живых перламутровых бусин ринулось из меня, щедро оплодотворяя лоно.

Хельмут объяснил, что приличия ради следует всходить на эшафот своими ногами. Разумеется, в реальной жизни получалось такое дай Бог со второго раза на третий, но идеал на то и создан, чтобы к нему всецело стремиться.

Поэтому я вкушал напитки и впитывал разумные речи моих опекунов. Поили меня чем-то белковым – скорей всего, взвесью соевых бобов в молоке кормящей матери. Ею вскорости должна была стать и Беттина, поэтому в женщинах того же волчьего племени и такого же интересного положения не было недостатка. А чтобы меня не одолевали посторонние из числа ангелков и их клиентов, Хельмут отгородил мою прежнюю кровать нарядной ширмой. Также он снова посадил меня на цепь – чтобы не задавали лишних вопросов, как он объяснил.

– Ну надо же, – сетовал он, – и впрямь ничто тебя не берёт: ни вервие, ни вино, ни огонь, ни кол, ни нож, ни наша Бетти.

– Она-то как раз... – отвечал я с умеренно кислой миной. Чувствовал я себя слегка депрессивно – после того количества любви, что я из себя выдавил, неизбежно должен был начаться откат. Ноги и руки постепенно отрастали, как и пятый член, но не с той скоростью, как мне хотелось, и были похожи на студень из свиных голяшек. Это влияло тоже. Докучал и постоянный шум в окрестностях моего логова: хоть мой патрон и уверял, что каждый из тёмных ангелков производит его не больше, чем опавший лист, но как-то слишком их было много.

– Хельм, если не секрет. Сколько твоих в целом – больше, чем обычных людей?

– Шутишь? Гораздо меньше. На порядок иди два.

– Даже сейчас, когда мор?

– Даже сейчас.

– Миллионы?

– Тысячи.

– И ты в их числе?

– Ох, нет, я сам по себе. Иного не желаю – надо же кому-то испытывать... исполнять решения.

Ну разумеется. Спрашивать, когда и как он снова за меня возьмётся, было уж очень, скажем так, затратно. Когда я, как древний Цинциннат, стал сокрушаться по поводу своей непохожести на прочих людей, он заметил:

– Ладно, в следующий раз постараюсь на совесть. Что, кстати, на тебя наточить – меч или секиру? Ну, двойной топор? Меч вроде как благороднее.

– Да что угодно, мсье. Я тебе полностью доверяю. А ты уверен, что меня проймёт?

– Ну... Если отделить голову и сколько-нисколько подержать отдельно от тела, авось скончаешься как личность. В смысле назад не срастётся.

– Звучит оптимистично до крайности, – я пошевелил отростками на конце правой культи: были они куда больше похожи на бахрому речной гидры, чем на нормальные пальцы, однако поильник в них кое-как держался.

Не надо, между прочим, думать, что Хельмут один по мне дежурил. Последнее время к этому подключался и Красавчик. Амадей где-то вдали тешил слегка округлившуюся Бет своей

музыкой, это создавало подходящий фон для задушевной беседы, и вот именно тогда Гарри добрался до меня с самой многозначительной из своих притч.

– Ее мне, тогда совсем юнцу, поведал наш ребе. Потом я, как ни старался, не смог отыскать ее ни в Агаде, ни в Вавилонском, ни даже в Иерусалимском Талмуде... Неважно.

Представь себе, что некая группа людей всю жизнь провела в закрытой наглухо комнате, где приходилось двигаться наощупь – с риском ввалиться в бездонный колодец или, на худой конец, в грязную лужу. Самые отважные предпринимали экспедиции и оставляли другим описания неведомых пространств. Когда они умирали, книги оставались на лице земли и постепенно вошли в официальный канон. Все должны были затверживать наизусть эти писания, и комментарии к писаниям, и комментарии к комментариям. Ходить в новые походы стало считаться безрассудным и даже прямым кощунством.

Как-то один мальчик заблудился и случайно в полнейшей темноте наткнулся на подобие тяжелой завесы. Когда он приподнял ее за краешек, в лицо ему хлынул буквально океан света.

– Твои люди – они что, знали, что такое свет?

– Вообще-то да. Писали же они свои тексты при огне лампадок или и очага, где готовили пищу, – отозвался Гарри. – Только это был не настоящий свет: он умирал, не доходя до стен и до сводов пещеры.

– Так я и знал, что сейчас на сцену явится Платон, – усмехнулся я.

– Когда малыш очнулся и кое-как пробрался назад, его рассказам не поверили, сочтя его безумным. Собственно, он таким и стал от большого страха. Только те дети и – много позже – взрослые, которые соглашались его слушать, были вполне нормальными. Большинство высмеивало нашего пророка, однако находились и те, кто принимал его слова за чистую монету. Тайком от остальных прокрадывались они к самой границе предписанного законом мира и дотрагивались до завесы. По возвращении их непременно ловили и жестоко наказывали. Впрочем, костер, на котором жгли отступников, также не был в силах развеять окружающую тьму.

– Метафора, – отозвался я. – Не очень новая.

– Не хочу спорить. Я лично услышал такое в первый раз. И, знаешь, чем кончилось? Когда со мной произошло то же самое, я просто изо всех сил дёрнул – и сорвал пыльную парчовую тряпку нафиг.

Конец притчи показался мне прикольным, хотя не очень вразумительным. Я так думал, сейчас он распишет мне, как обыватели вначале все прозрели и решили поставить ему памятник, а потом начали стремительно слепнуть от избытка солнца и закидали дерзкого теми же камнями, что должны были пойти на постамент.

Я хотел ему слегка попенять, но тут ввалился душа Хельмут с кувшином и заявил:

– Пока суд да дело, весна пришла, всё живое двинулось в рост, аж соки заиграли. Андрей, ты когда-нибудь от березы пил?

– Нечто с сахаром, закатанное в трехлитровые баллоны, – хихикнул за его спиной Вольф Амадей.

– Залепить ранку смолой не забыли, зубоскалы? – строго спросил Гарри.

– Этим наш Ганс пускай озадачивается: ему в новинку, – ответил Хельм.

И махнул рукой: идите к себе, друзья.

«Мы волки, не бобры, не злы и не добры», – фальшиво промурлыкал Амадей и удалился под ручку с Красавчиком.

Березовый сок имел совершенно удивительный вкус: прохладный, светлый, мажорный. Я никак не ожидал от себя такой синэстезии чувств.

– Спасибо, Хельм. Порадовал.

Что-то в его лице – тень или усмешка – заставило меня добавить:

– Напоследок?

– Вроде того.

– Когда?

– Если ты не против, то завтра. Как всегда утром, на свежую, гм, голову.

Надо сказать, что было время обеда, причем скорее западное, чем восточное. То есть поздний вечер. Вы скажете, в подземелье такие нюансы не имеют особого значения? Однако последнее время я чувствовал на своей шкуре все часовые пояса вкупе с параллелями и меридианами.

– Решил, что применишь?

– Меч. Не цвайхандер, однако, а короткий, боевой. Ты не против? Я его наточил не хуже тех ножигов: волос перерубает не только поперёк, а и вообще вдоль. Топор тоже хоть куда. Как у нас шутят, из лунного света лимонных долек наделает.

– Замечательно. Прямо не терпится на вкус попробовать. Ах, если б было можно и то, и другое...

– Не надо, малый. Оно конечно, настрой у тебя верный, боевой, да завтра дело пойдет всерьёз. Не как раньше.

– Тогда на твоё личное усмотрение.

Он с важностью кивнул и приказал:

– Теперь хорошенько отмойся. Путь туда в прихожей, откуда Волки наружу выходят, а прихожая за дверью, что ты раньше приметил. До того мы тебя в тазу полоскали, это ж не то что настоящая ванна размером в небольшой пруд. Бриться последнее время было без надобности, но вот космы свои жидким мылом натри, ополосни и разбери на две косы. Можно было б и вообще подстричь, но так надёжней получится – будет за что в случае придержать. Ну, на цепи, как ручного мишку, водить тебя больше без надобности: куда не надо по пути не зайдешь. Та комната повернута на заход и светлая. Двусветная.

Старинные слова означали, что в ней два больших окна, смотрящих на запад.

– Стало быть, Волки солнца не боятся.

– А с чего ты такое взял? И Волки, и прочие кланы. Им всё под силу. Ночью как днём видят, днём везде ночную тень находят. Но вот сумерки, как сейчас, – натурально волчье время. Пора меж волка и собаки.

– Эй, погоди! – крикнул я вдогонку, ибо Хельм уже совсем наладился уходить. – Как снять эту херову опояску?

– Сам смекнёшь, – пробурчал он. – Давно, чай, не дитяtko несмышлёное.

Действительно, все замки и заклёпки представляли собой нехитрую головоломку из тех, какими принято забавляться в дороге: повернул два раза по часовой, один – по секундной стрелке и разломил пополам по линии молекулярных спаек.

Укутав торс в одно из своих полотенец и накрыв голову другим, я побрёл в запретную дотолу сторону. Волки, которые случились в зале, расступались охотно и даже с некоторой почтительностью.

За порталом виднелся еще один выход, низкий и запертый наглухо, а между ними вздымались вверх крутые ступени и повороты. Лестничные клетки были слепые, тупиковые. Только самая верхняя вливалась в обширный холл, по периметру которого также шли двери.

И из обоих высоченных арочных окон во всю ширь полыхал багряный закат. Солнце уже наполовину погрузилось в озёрную воду, его раскалённые струны снопом рвались поверх туч, а там, где со света спадал последний покров, к зениту поднимались крутые дуги семицветных гало.

– Другая планета, что ли, – ахнул я.

– Не чуди, сынок, – отозвалась одна из полужнакомых мне «ангелиц». Кажется, в самом деле та, чьим выкормышем я поневоле стал. – Земля это. Когда-то она устрашилась взять

залог от Бога. А теперь стала так отважна, что решила переменить промежуточного владельца. Оттого и похорошела на диво.

– Я, собственно, не за этим пришёл, – объяснил я. – Не за зрелищем и не за словом. Просто вымыться велели.

– Ну, разумеется. Чтоб тебе не стучаться во все стенки и не бродить по спальным капсулам – это чётко справа по борту. На двери еще голограмма такая – Ниагарский водопад. Да не бойся, оснастка там простая и доступная.

Ага. Только все краны фигурные и отлиты из золота, лейка контрастного душа – из самородного хрусталя, а ванна, та самая, величиной в бассейн, похоже, выращена из раковины-жемчужницы. Губка была тоже морская, абсолютно естественная и больших размеров, нарядное мыло – явно ручной варки.

Я с наслаждением смыл с себя странного вида липкий пот – последнее время я норовил выделять отходы через кожу – и в третий раз сменил воду. Она пахла мускусом и амброй, а, может быть, и вовсе амброзией и нектаром. Вытираться после такого великолепия моими бедняцкими тряпками было негоже, и я стал озирать окрестности.

Тут в еле притворённую дверь тихонько стукнули, внутрь заглянула симпатичная мордаха в рамке рыжеватых кудряшек, а потом и вся фигура в чем-то вроде туники и рейтуз.

– Вы простите, мон эскуайе, вам, наверное, услужить потребуется, – сказал мальчик. – Полотенце и купальный халат. Могу предложить костяной гребень и щетку из дикобраза, они нынче в большом фаворе. Сделать прическу не изволите? Очень запуталось, сами понимаете.

– Ладно, как-нибудь сам свои космы продеру, – ответил я.

– Если нужны еще какие-либо услуги сугубо личного плана... – он потупился, – перед восхождением...

– Упаси меня Господь и все его святые. Ты, собственно, кто?

– Школяр второй ступени. Виллье. Это звание такое.

– А меня что за кличкой обозвал?

– Эсквайр. Прошедший лестницу. Тот, кто владеет своим малым уделом и носит оружие за опоясанным рыцарем.

Я хотел сказать, что он малость ошибся, но решил, что судьбе виднее. Принял из рук его ношу, обтёрся, кое-как расчесался, закутался в невесомую махру и пустился в обратный путь.

Однако будучи весьма заинтригован, подозвал ту мою кормилицу и спросил:

– Что за приставучее дитя бродит по окрестностям?

– Ах, не обращайтесь внимания. Моё, скорей всего. У девиц нынче самый шик закосить под Золотое Средневековье. Терминология макароническая, впрочем, как у нас всех, правила игры – чистейшая фэнтези, однако ловят то, что носится в воздухе, вполне чутко.

После такого подробного объяснения мне ничего больше не оставалось, как уложиться спать за свою загородку с изображением сирен и фениксов.

Но не успел я сомкнуть усталые веки, как встретился глазами с Хельмутом.

– Время? – спросил я.

– Так точно. Ополоснись для бодрости и одевайся.

Я хотел спросить – во что, но тут и сам увидел. Белая рубаха с широким воротом, туника и гетры, такие, как у той девы-мальчика: темно-серые, из очень добротного материала. Пояс, кошель и низкие сапоги из выворотной кожи.

На выходе у нас, похоже, выстроился весь наличный состав.

– Шеф, уж этого я точно не заказывал, – взмолился я.

– Ничего, они только попрощаются – их право, – негромко утешил он. – За порог я их первый не пушу.

Этот портал, последний, был отмечен надписью на деванагари: «Сахасрара». Тысяча.

Внутри от края и края простиралось чёрное сукно, далеко заходя на стены.

– Для пущей чести, – пояснил Хельм. – Истый шляхтич, хоть ты ему тысячью смертей грози вместо одной-единственной, нипочём на голые доски не ступит. Только и исключительно – на такой матерьял, чтоб на кунтуш поставить было не зазорно. Тебе ничего, что напоследок невысоко поднимешься? Самое большее – на ступеньку?

– Клиент неприхотлив, – пошутил я. – Разве что насчет плахи заметит, что низковата. Если это она в самом центре.

– Обычная плаха, – пожал он плечами, – лежащая, с выемкой. Для топора – ты же вроде как еще раздумывал над этим предметом? Велел тоже чёрным обтянуть для пущего гламура. Вот и сливается.

Сам он, напротив, резко выделялся на фоне черноты своей алой с золотом курткой. Меч, заранее вынутый из футляра, – тоже.

– Ножны, – поправил он. – Это у него рядом вторые ножны, чтобы заточку побережь. Первые, парадные, у меня в каморе остались.

– Кажется, мы с тобой вообще могли бы слов не тратить.

Он улыбнулся:

– Это верно.

– От меня что-нибудь еще требуется? Ну, кроме основного.

– Да ничего. Хочешь, косы шпильками на затылке закрепи, они в поясной сумке лежат вместе с гребешком. А то просто отодвинь волос на правую сторону. Придерживать тебя за него, думаю, не понадобится, да и некому. Глаза не надо тебе завязать? Платок – настоящий шелковый фуляр, я в него не сморкался ни разу.

– Спасибо. Сразу видать, от души предложено.

Я натянул подарок поперек лица и стал на колени. Наощупь отыскал бревно и приклонился, обхватив его руками и стараясь вытянуть шею как можно дальше.

– Андрей, ты еще помолись чуток, не помешает, а я лишний раз прицелюсь, чтоб уж всё шито-крыто вышло... то есть без сучка без задоринки, – тихо предложил Хельмут.

– Угм, – ответил я. Упомянутая молитва, похоже, застряла у меня во рту, как тянучка из жженого сахара.

Холодное крыло ветра на затылке. Взъерошило прядки, пронесло мимо.

– Да, Анди?

– Да.

Снова ветер – и резкий, почти без боли удар, что вмиг отделяет голову от ставшего совсем ненужным тела.

Я возлежал на золотом блюде, будто Иоанн Креститель, распущенные косы свисали по обеим сторонам, глаза были наполовину прикрыты веками. Как удивительно, размышлял я: весь мир пришёл ко мне тогда, когда я никак не мог сам к нему прийти, и протек сквозь меня всеми своими реалиями. Все звуки и цвета, сияния и мёрюки, все силы, воинства, хоругви и власти, непостижимые звезды и мельчайшие крупинцы песка. Я принял в себя их естество, понял о них всё, но о себе самом – только то, что я ничего по сути не знаю и не значу. И мысль о моем ничтожестве пред лицом Всевечного Океана привела меня в неопиcуемый восторг.

Неужели именно того добивалась влюбленная Саломея?

А после таких прозрений я очнулся в полном сборе.

– Вы уж извините за надувательство, рыцарь Андреас, – сказал Вольф Иоганн.

Они стояли вокруг меня все пятеро и еле заметно улыбались концом губ.

В совершенно одинаковых бежевых куртках. Ну, кроме Хельмута.

– Что, это еще не конец? – ужаснулся я. – Вот хер моржов.

– Нет, этот парень совершенно неисправим, – заявил Волк Амадей.

– Разве мы хотели получить смиренного? – возразил Волк Гарри.

– Не забывайте, что в придачу он – отец моего будущего сына, – прибавила Беттина. – Отнеситесь с уважением к его причудам, иначе я всех троих...

– Дочка, хоть мои седины пощади, – умоляюще произнес Хельмут, – их ведь так мало.

Я, сидя на кровати, переводил глаза с одного на другого. И на другую.

– Братья, пусть один из нас все объяснит новоприбывшему, – посоветовал Иоганн, – а то так и будем пререкаться. Хельм?

Тот с важностью откашлялся.

– Понимаешь, Анди, когда мы хотим взять человека в Сумеречное Братство, мы обычно никак ему не даём того понять. Ненатуральная реакция пойдет: либо форменное отторжение, типа «вы дети дьявола», либо жадность и похоть. Ведь мы – это бессмертие, неуязвимость, совершенное умение убивать или обойтись вовсе без чужой гибели. Чтение любых мыслей и способность гипнотически внушить всё, что на душу придёт. Хочешь научиться летать без крыльев? Научишься. Изучить в совершенстве любой язык? Получится, сам отчасти видел, как это. Великий соблазн и страшная ответственность.

– Погоди, – возразил я. – Ты же сам мне внушал, что Беттина меня из чистой прихоти подобрала! Как щенка полудохлого, простите.

– Бет **искала**, – возразил Хельмут. – И чем-то ты ей особо глянулся. Собой шибко красив, что ли. Или по-дзенски пуст. Или просто нахален. А когда по ее просьбе тебя стали из смерти вытягивать, то и верно – перестарались. Все четверо тебе кровь дали. Буйную, яростную, неукротимую. Она тебя изнутри бы изъела подчистую, если не дать выхода. Вот и я постарался тоже.

– Грубо говоря, вы совместили кислое с пресным, а полезное – с неприятным, – резюмировал я. – Проведём испытание, как для ученика... Как там – раскрытие семи чакр, я верно понял? Сдохнет – спишем со счета: сам по скудоумию набивался. Не сдохнет – примем в ряды. Сдохнет отчасти – всё ж какую-никакую пользу извлечем. К верному Хельму в подручные отдадим. На мыловарню устроим.

– Теперь уж нет, – отозвался он. – Хочешь или не хочешь, но ты уж не просто спасённое от смерти двуногое, а один из **сумров**. Сумеречных ангелоидов. За исключением долголетия, правда. Срок я тебе указал.

– А они... вы... Кто?

– Ну, договаривайте, – произнёс Иоганн с лёгкой досадой. – Бесстрашный – а так пошло и позорно трусит.

– Вампиры, – исторг я из себя заветное слово. – Упыри. Вурдалаки. Тёмный Народ. Только гораздо более мощные, чем принято считать. Тогда, у больнички, Бет убивала. Чтоб не мучились – и с прямой пользой для себя.

– Верно, – ответил на сей раз Амадей. – С кровью и иными соками мы впитываем в себя информацию о живом существе. С молоком – о его роде и племени. И держим в себе, сколько получится. Это похоже на земное бессмертие.

– Иными соками, – раздумчиво произнёс я. – Древесными, верно, Хельм?

– Это я напоследок проверил, не ошиблись ли они в тебе, – широко ухмыльнулся он.

– Мы умеем прочесть клён по его листу, медведя – по ворсинке из его шкуры. Мы вбираем в себя всё живое, – прибавил Гарри, – и то неживое, что неким особенным образом соприкоснулось с живым. С человеческой страстью. С яростью сильного зверя. С талантом и тем умением быть собой настоящим, что присуще только малому ребенку и животному. Вот после всего этого и получают те «лепестки информации», что видел наш пациент в зале архивов. Вечные и нетленные. Непредсказуемые в своем очаровании.

– Ну и прекрасно, – я почти оборвал его дифирамб. – Жаль только, что вы не удосужились мне показать какую-нибудь «Хатун Джоконду Овердрайв», ограничившись дыбой и плахой.

Ну да, еще этот синтетический музыкальный инструмент, в котором собрана память обо всех знаменитых балабайках мира.

– Знаешь, – перехватил инициативу Амадей, – я ведь тоже так в своё время выкобенивался и поливал своих спасителей дерьмом из ушата. И понял, кстати, что это самый верный путь к их признанию. Овец тут если и любят, то одних чёрных и нестриженных. С крутыми рогами.

– Не понимаю, – вздохнул я. – Отмудохали меня по полной, пропустили через жернова... а теперь хотите иметь как сотоварища. Рыцаря, ети его. Затраченных усилий стало жалко?

– Это бы еще ладно, – снова вступил Хельм. – Поиграли, отвели душу... Тебе твой законный тридцатник с лихвой обеспечили. Иоганн, вы ведь старший. Растолкните Анди, в чём проблема. Почему, кстати, я так и остался на подаче.

– Андреас, – он вздохнул. – Насчет скотов и деревьев вам растолковали без купюр и изъятий. Про то, что мы, в известном смысле, дети отца Люцифера и матери Натуры, вы черне также осведомлены. А знаете ли вы, кто те люди, во имя коих мы извлекли из небытия орудия пытки и казни? Ну, с которыми говорили в таком помпезном окружении?

Нет, я был кретин. Дебил, как всё человечество, имбецил и полный идиот для комплекта. Ухватки, манеры, даже некоторые детали одежды...

– Военизированные врачи, – ахнул я. – Те самые. Клятва Гиппократа. Они что...

– Те, кто нам интересен, вовсе не клятвопреступники и не соучастники запланированных убийств. Напротив, изо всех сил с ними борются. Если бы не их старания, таких, как вы, вообще бы оставляли без лечебного надзора. Дело в том, что один из их сословия обнаружил в геноме человека некую древнюю и постоянно воспроизводимую хромосомную запись. И повторялась она – не сказать чтоб очень редко. Вы в курсе, что львиная часть родительских особенностей в процессе наследования уходит в шлак?

Я кивнул.

– Значит, данная запись очень важна для выживания рода. Далее. Что такое генетическая сцепка? Не уверен, что это официальный термин. Ну вот, приблизительно. Ген, вызывающий серповидноклеточную анемию, в латентном, рецессивном состоянии защищает от малярии и становится смертелен, только соединившись со вторым таким же и став доминантным. По большей части, однако, он благодетелен.

– Славно бы еще до кучи уметь излечивать такое наследственное малокровие, – ответил я.

«И иные болезни, связанные с этой жидкостью», – шепнуло нечто внутри. Весьма язвительно.

«Ну да, если это считать болезнью».

«Жутким отклонением от социальной нормы».

«Как – каждому фрукту своё время – слепоглухонемому, аутизм и гомосексуализм во всех его видах, карой за который одно время сочли...»

– ВИЧ-инфекцию, – внезапно произнёс я.

– Вы поняли? – спросил Иоганн.

– Не вполне. А, значит, могу ошибаться на все сто.

– Мы, при всём нашем умении читать так называемые «верхние», сознательные мысли, тоже уверились буквально на днях. Лет двадцать назад. Ген, активно противостоящий СПИДу, несёт в себе зачатки вампиризма. Древнего, неразвитого, примитивного. Хотя даже в то время...

– Легенды есть легенды, – подхватила Беттина. – Когда ребенок рождается смертельно бледным, жмурится на яркий солнечный свет, чуть что покрывается пузырями ожогов и до крови кусает свою кормилицу, а потом всех подряд, очень легко решить, что он отродье Врага.

– Даже если это простой альбинос, – хихикнул Амадей. – Или больной злокачественной формой порфирии: светобоязнь, выступающие вперед зубы, язвы и бугры на коже и редкая

нелюбовь к чесноку. А уж тем более когда с виду вполне нормальное дитячко цедит кровь литрами, сим убивает и передает свою заразу тем, от кого позаимствовало пищу. Издержки эволюции.

– Но это ведь ужасно, – сказал я.

– Всякие тигры, крокодилы и удавы тоже невеликие лапочки, – ответил он. – Окультурировать приходится. Или учиться сосуществовать.

– Только учились одни мы, – вплёл свою реплику Гарри.

– Да, пока люди, почти под корень истребив наше племя, не открыли широкую дорогу самой беспощадной пандемии из всех возможных, – подытожил Иоганн. – Такой, что не останавливается, пока не скосит правых и неправых. И приложили к этому руку те, кто всегда знал, но не выпускал на поверхность: архивов, сознания, души. Хоронил в недомолвках.

– Нет худшей заразы, чем та, что выходит из лабораторий, где честно с ней борются, – энергичным кивком подтвердил Амадей. – Закаляют пенициллином, до полусмерти кипятят в центрифугах и описывают полученные результаты на своём птичьём жаргоне. У медиков недаром была стойкая репутация убийц.

– И нет горшей беды, чем та, что исходит от искренних и бескорыстных спасителей человечества, – слегка загадочно возвестил Иоганн.

– Что-то можно предпринять с этой амбивалентной утопией – или уже поздно? – спросил я.

– Прямой и честный, но неверно поставленный вопрос, – ответил Иоганн. – Нас примерно восемь с половиной тысяч на два миллиарда оставшихся людей. Для того чтобы держать собой природу, пребывая на вершине некогда созданной нами втайне экологической пирамиды, нас хватает. Но чтобы давать свою кровь...

– Всем негодяям, что довели наш феод до кризисного состояния, – подал реплику Амадей.

– Тем, кто может стать ангелоидом новых времен, – жестко продолжил Иоганн. – Или хотя бы их другом, как Хельмут. Связующим звеном между разумными. Для этого нас не хватит и долго ещё не будет хватать. Ведь невозможно более воскрешать сеньоров, не поднимая младших братьев хотя бы до четверти их уровня.

– Мы создаём и растим свои подобия с великим трудом, – проговорила Беттина. – Будь то звери, ангелы или плоть от нашей плоти.

– Погодите, я ведь уже понял куда больше того, что было здесь сказано, – вклинился в этот хоровой речитатив. – Сделавшись полностью одним из вас, Волком, бесом или кем там ещё, я окажу услугу?

– Именно, малыш, – кивнул Хельм. – А теперь скажу тебе я. Тебя как следует подготовили к так называемому Великому Обряду. Это когда прежде чем дать тебе Тёмную или там Сумеречную Кровь, берут всю твою собственную. А это больно и страшно, Анди. Может быть, это самая страшная боль на земле. Никакие медитации не спасают, потому что корень её – в глубине твоей псевдоличности, которая даже в раю не хочет перестать быть тем, что она о себе вообразила. Я вот и подступиться в своё время к такому не посмел. Живу, оно конечно, вон их стараниями – он мотнул головой в сторону остальных «курточников» – далеко не первый век.

– Ну а если я соглашусь? – спросил я. – Это правильный вопрос?

– Да, – ответил Иоганн, – притом риторический. Для шутки он слишком ответствен.

– Но ты выдержишь это куда легче нас, – проговорила Беттина. – Вот только надо подумать, какую личину потом примешь. Первое время без того никак невозможно. Века два, пожалуй...

– И прикинуть, откуда мы стащим для него действительно классный дафлкот, – закончил Гарри. – Чтобы, Люцифер меня заberi, выдержал такой долгий срок.

...Пятеро в бежевых верблюжьих куртках с капюшоном вышли из подвальной двери Политехнического Музея и деловито зашагали по улице вверх.

– Сегодня надо, наконец, разобраться с этими... источниками даровой электроэнергии, – сказал Амадей. – И с кулинарными фабриками. Раньше стоило бы, только остатних человечков жалко было питания лишать. Двух ментальщиков, я думаю, на это хватит. А ты как считаешь, Пабло?

II

Всё хорошее или безнравственно, или вредно, или незаконно.
П. Г. Вудхауз. Девушка в голубом

Когда ждёшь, часы и дни тянутся, будто жвачка. Даже если тебя успели научить, что времени как такового и вовсе нет. Хотя для нашего народа сама жизнь означает ожидание – это говорю вам я, Андрей Первенцев, который вспомнил свою девичью фамилию совершенно некстати. В самый раз перед тем, как отбросить свою человеческую плоть, суть или вообще копыта.

Ибо я уже не человек и ещё не ангелоид.

Тут необходимо слегка уточнить: человек, только с иной кровью в жилах (и, по здешней логике, с частично измененным геномом), который может пребывать в относительном благополучии лет тридцать-сорок. Не стареть, не болеть, очень быстро восстанавливать повреждённые ткани. И если не хочет по истечении срока загнуться от какой-нибудь вредоносной и тягостной хвори или тотального одряхления, имеет право попросить друзей о вторичном вливании жизненного эликсира.

Как уж не раз делал мой приятель, благородный мейстер Хельмут. Вообще-то сам он ничего подобного не хотел, хотя считал прямым своим долгом.

– Скучно мне тянуть лямку. Я бы с охотой посмотрел, что там за радужным занавесом, Анди, – говорил он не однажды. – Только наследника моему искусству никак не отыщу.

– Знаю. Кстати, как бы ты его сформулировал этак в двух словах, это твоё искусство?

– В двух, скажешь тоже.

– Тогда коротко и веско.

– Изволь. Умение причинять телу страдания, которые не убивают, а лишь помогают его душе освободиться от власти демонов. Именно – лжи, греха, болезни, уныния, стадности и прочих иллюзий. А также всяких пещерных теней, кумиров и идолов рынка. Через всё это я тебя провёл.

– С успехом.

– Рад, – он шутовски поклонился. – Ты точно не хотел бы стать моим цехмейстером? Учеником и подмастерьем?

Это значило... Нет, ничего такого ужасного. Просто я догадывался, что через заботливые руки Хельмута, его коллег и предтеч прошли все Тёмные и Сумеречные Ангелы, кроме разве что самых древних. По нынешнему определению, Диких. Он ставил их на грань их непонятого существования, чтобы сотворить из них бессмертных и видящих истину без покровов.

Я был всего-навсего человеком – и оттого Первая Ступень моего личного ритуала придала мне лишь немного душевной стойкости и плотской неуязвимости. А в качестве приятного добавления чуток архаизировала мою лексику. К сожалению, молодежный слэнг и не подумал никуда деваться, и теперь два речевых слоя мирно сосуществовали у меня на языке.

Жил я теперь не в проходном зале с девятью порталами, одним из которых была простая дверь наружу, а в одной из крошечных служебных комнаток бывшего музея, как и все мои новые знакомцы. Причем делил ее с Хельмом. Нет, не по принципу «жертва от палача недалеко катится», а потому, что трое Волков и Беттина занимали апартаменты по обоим нашим сторонам: Иоганн и Амадей – комнату направо от входа, Гарри и Бет – налево. А в тугом животике нашей общей подружки зрело и наливалось соком моё собственное семя.

Хотя ее движения стали чуть менее резкими, а взгляд – более глубоким и как бы обращенным внутрь, видно этого почти не было.

– И не будет, – пояснил Хельм. – Они такие. Держат дитя в себе невесть сколько времени, удобного случая ждут. В точности как иные звери. Плавают внутри в вольных материнских водах, не прикрепляясь к берегу. Вот станет полноправной Волчицей, тогда...

Я попросил объяснить – до того как-то не удосуживался.

– Волки – это не только из-за имен. Это вроде семьи или небольшого клана со своим тотемом или типа того. А Бет к ним прибилась, но полных прав не имеет, оттого что никого не посвящала. У Сумеречных принято, чтобы от новичка пили двое-трое опытных и хотя бы один невинный.

– В данном случае – от меня. По старой дружбе.

Юмор его не пронял.

– Главное – потому, что она вынашивает твой плод, – объяснил Хельмут на полном серьезе. – Вышло это легко, потому что ты не настоящий Сумеречник, или *сумр*: так, ты слышал, здесь иногда говорят. Но кто там родится – непонятно. Бастард, полукровка... Сечёшь?

– А? – спросил я.

– Понимаешь, имею в виду? Каким бы ты важным ни стал, отец ты был в своё время сомнительный. Ни рыба, ни мясо, ни человек, ни ангел. Так что для равновесия Бетти просто жуть как требуется стать суперэлитой.

Из чего я заключил, что претерпеть метаморфозу мне придётся не из-за меня одного.

И существует некий долг благодарности. Если на тебя потратились, ты при первой возможности платишь долг со всеми процентами. Я давно уразумел, что возмещают потерю и качество крови они небыстро – куда медленнее простых людей. Наверное, почти незаметно от себя подслушивал разговоры ангелоидов, что шли отчасти на вербальном, частью на ментальном уровне. Ими наполнилось всё пространство сот, как называли Сумеречники свою спальную резиденцию. «Соты» или попросту «Сотейник».

Отчего такое странное словцо, это ведь означает глубокую сковороду или жаровню?

– Оттого, что наши неженки внутри пекутся, – ухмылялся мой сокамерник. – Это и тебе предстоит, не беспокойся.

Чувствительность к теплу у моих будущих коллег была как раз небольшая, оттого они слегка удивляли своими куртками тех людей, кто еще пребывал на ногах и на открытом воздухе. Я имею в виду – ментов, труповозов и мусорщиков.

Разумеется, моё жертвоприношение было неизбежно. И, естественно, никто из моих братьев-Волков и прочих членов небольшой (десятка четыре) вампирской общины меня не торопил. Решение должно вызреть, состояние души – дойти до кондиции. Кто это определит лучше тебя самого?

Разве что сосед по камере.

Камера была совсем неплохой, но тесноватой: в нее с трудом влезли две двуспальные кровати на резной дубовой раме и с резными спинками, два приземистых кресла той же архитектурной школы, квадратный стол с табуретками, мраморный стоячий умывальник типа «Мой-додыр» и зеркало в полный вампирский рост. Самовыражался в мебелировке один Хельмут, единственным моим вкладом было резкое возражение против ковра во весь пол. Ограничились толстыми камышовыми циновками.

За кружкой и кувшином – я присоединялся для компании – Хельмут любил предаваться философским изысканиям.

– Вот ты, Анди, думаешь, что это доброе пиво нужно телу, потому что тебя так приучили. На самом деле оно давно уже необходимо одной твоей душе, – так начинались беседы, варьируясь в зависимости от потребляемой жидкости. – А почему так?

– По закону, который сформулировал некий инопланетный ангелоид, – шутил я. – Вода бывает нужна и сердцу. Ты в ответе за тех, кого приручил, а они в ответе за тебя.

Правда, мои приручители и поручители не очень торопились ни брать, ни отдавать. Видел я их редко. Впрочем, это касалось вообще всех. Как объяснял тот же Хельм, необходимости прятаться и «вырубаться» днём, что считается традиционной для вампира, у них не было. Делились, как и все люди, на сов и жаворонков. Питались чем бы то ни было они от случая к случаю. А поскольку отходы производства у них, как и у меня в последнее время перед главосечением, выходили через кожу, были они полными фанатами мытья. В тот судьбоносный день Волкам пришлось заранее расчистить передо мной дорогу.

И вот, наконец, всё совпало. После наступления темноты четверо моих добрых соседей собрались обсудить что-то своё в большой зале, я был чисто вымыт и пребывал в самом возвышенном настроении, Хельмут отчаянно скучал, и...

– Давай рискнём, – сказал я, отодвинув от себя еле початую кружку с яблочным сидром. – Как здесь положено – я сам должен заявить или ты? Или третий кто-то?

– Они уже узнали, – кивнул Хельм. – За секунду до того, как это дошло до твоих губ.

– А когда можно?

– Да хотя бы и сейчас. Завещание писать будешь?

– Бессеребренник вроде, – я принял его слова за шутку.

– Ну, вообще-то во время обряда не всегда память отшибает, – сказал он. – А саму жизнь – и того реже. Опять-таки барахлишка у тебя было немного, разве что квартира, и та по договору найма. Но ты не думай, Сумры вообще всю юридическую и прочую судебскую подноготную в машинку заправили. Для порядка.

– Чтобы информация пережила своего владельца?

– Да нет, скорее по принципу «кабы чего не вышло», – Хельм снова усмехнулся. – Зачем обижать тех, кто изволил выжить после процедуры?

Он поднялся.

– Ты как, пустой, Анди? – спросил он. – Я видел, сегодня ты даже ради показухи не пил, нюхал только.

Потом он привёл меня к Волкам и коротко сказал:

– Он созрел. Мне вести или вы одни справитесь?

– Ждём пятого или случаю оставим, как решите? – вместо ответа спросил всех Вольф Иоганн.

– Случай пристойнее, – отозвался Гарри, и мы, включая Хельмута и отчего-то меня самого, согласно закивали.

– Тогда идём как есть. Кнехта потом удалим.

Я давно убедился, что архивом для лепестков информации служили все семь «магических» комнат, которые по сей причине и умели превращаться и подстраиваться под ситуацию, пряча свое содержимое. Поэтому немного удивился, когда меня препроводили в пыточную, что с того первого раза никак не изменилась.

– Не тревожься о пустяках. Волчатки всё предусмотрели, – негромко предупредил Хельм. – Раздевайся и ложись на станок. Хм, плавки можешь и оставить, однако. Дамы.

– Друг, я боюсь быть навязчивым, – проговорил я, карабкаясь на лежащую дыбу. – Не объяснишь? Как-то не так я всё представлял.

– Уж это ясно, – сказал он, распяливая меня, как лягушку, меж двух пар браслетов, ручных и ножных, и вращая покрытые шпеньками валики вверх и вниз ода, отчего мои жилы слегка натянулись. Заодно он что-то такое сотворил с моими косами, поэтому я никак не мог повернуть голову. – Иоганн говорит, что люди весь свой мир истолковывают наперекосяк, а уж кому знать, как не ему.

– Тошно вроде как.

– Это для того, чтобы ты хоть немного отвлекся от предстоящего, – объяснил он. – И не потерял окончательной связи с этой вселенной.

Ободряюще кивнул, подхватил мою одежду, дафлы удалой четверки. И удалился, туго захлопнув за собой дверь.

Волки подошли ко мне – чёрные свитера, чёрные брюки. Молча стали рядом: Иоганн в головах, Гарри и Амадей по бокам, Беттина в ногах. Нет, никаких клыков и никаких погрызов. Только поцелуи: в основание шеи, во впадины с обратной стороны локтя и в пах. Но прежде чем меня конкретно приплюснуло к дереву и приковало покрепче всяких цепей, я успел увидеть, как из каждого рта выступает широкое жало или хоботок наподобие пчелиного.

Сразу стало горячо и немного щекотно. Потом чуть отпустило, и начались видения...

Исток реки, что пробивается через камни и мох, бурливый ручей среди скал, что принимает в себя и сплетается с десятками других таких же, неторопливая полноводная река, Гольфстрим в мировом океане. Мириады ярко-алых и бледно-золотых рыбок зарождались и играли во мне, стремясь к устью, к слиянию с иными водами, к растворению....

Тут оно меня настигло и раздёрнуло на нитки.

Метафизическая грязь и запредельная боль стоящего на краю.

Меня не стало. Верней, от меня сохранилась лишь кроха, что осознавала своё грядущее небытие и в отчаянии вопила от этого.

А насмешливый голос, знакомый мне по прежним авантюрам, всё наговаривал в несуществующее ухо:

– Человеку не дают воспринять мир как он есть, с первых дней надевая на него шоры чужого восприятия, а потом еще и наращивая их. Это необходимо, иначе знакомство со средой обитания обернется шоком. Хотя отчего это? Грудные дети не знают, чего в мире надо бояться. Они попросту и тотально им возмущены.

Культура строится как система отношений, и неважно, правда они или ложь. Совершенно так же обстоят дела со словами. Границы определены, пути проложены. Хаос организуется в порядок.

Совершенно так же человек поступает с собой. Определяет, кем бы он хотел казаться, а не быть, что такое «быть» для его личного «я», а не что такое само это «я».

А что сие убивает саму жизнь...

Это ему без разницы.

Оттого человек до усрачки боится увидеть мир истинный – для него это ужас в самом чистом виде, вызывающий тотальное неприятие. Ужас и мерзость...

– Резонерствовать на пустом месте – нехитрая штука, – отвечал ему мелодичный басок. – А если жучок никак не может без экзоскелета? Слизняк – без ракушки? Человек – без идеалов?

– Коллективных и общественно признанных, – добавил первый собеседник самым стёбным тоном. – Всяк пророк знай свой шесток. Каждый из них послан к своему народу и строит для него келейную утопию – эталоном коей служит он сам. Но ведь любой человек и любая конфессия стремится к универсальности и космичности! А потому сия зараза накрывает и тех, кто воспитан в иной культуре и оттого неспособен понять урок правильно.

Я хотел сказать, чтобы они перестали и не мешали мне мучиться... Но тут же в меня острым кинжалом вошла глобальная истина: то, что стоит за всеми уроками – Великая Пустота – как раз и воспринимается как мучение. И им безусловно является.

В этот миг я понял всё и навсегда. Это как раз и было первородным грехом и первобытной болью – создание двуногой тварью своего видения, отделённого от видения и мыслей природы. Своей сладчайшей лжи, из которой пышно произрастают все другие: непомерная трусость и неизмеримая гордыня. Ложь. Предательство. Убийство. Похоть.

И осознание этой истины пронзило меня навывлет.

– Мир генерируется неким Вселенским Компьютером в знаках да-нет, чёрное-белое, – наговаривал мне прямо в мозг очередной колющий глас свыше. Человек упирается в это и не

идет далее. Но каждый цвет – это радуга, светлая или тёмная, и скрещение даёт четырнадцать цветов вместо семи. Или даже семь в энной степени. Просекаешь, ничтожный червяк?

От голосов было некуда уйти. Они теснили меня со всех сторон и выдавливали хрупкой скорлупки. Раскаленные стены, сдвигаясь, толкали меня в колодец...

И когда хомо сапиенс во мне сдался и до последней частицы распылил себя в Вечности, дверь в небе распахнулась.

В мандорле из дымного света стояла женщина, и многоцветная двойная радуга одевала ее светло-рыжие волосы покрывалом.

Знамение победы.

– Мария, звезда над пучиной морскою, – произнесло нечто внутри высохшего колодца, и колодец понял, что это и есть его самость и суть. – Подруга утреннего света.

– Долго вам еще колдовать? – сказала она. – Может быть, ему пора возвращаться?

Села рядом с бывшим мной и легко разомкнула кандалы. Кажется, волосы не поддавались, и эта новая Далила отхватила их чем-то вроде бритвы.

– Над ним сейчас твоё право, – сказали ей Волки, – но прежде чем настоять на нём, скажи ему новое имя.

– Павел... Пауль. Пабло. Да, вот так будет хорошо, – кивнула она.

А потом вывела – нет, почти вынесла моё бывшее тело из ритуального помещения. Волки окружали нас как почетный конвой, большая зала была полна Сумеречного Народа, и даже Хельм...

Он набросил на меня что-то яркое и пушистое и перенял из девичьих рук.

Когда я-Пабло примирился со своей новой узостью (по правде говоря, стесняла она гораздо меньше прежней, что была до дыбы и кровопития), мне разъяснили этот случай, а заодно – слегка загадочные слова про пятого участника.

Оказывается, финал посвящения специально делают неожиданным и непредсказуемым. Хитрость заключалась в том, что на вход в Залу Испытаний налагался строжайший запрет. Все знали, что это как раз тот случай, когда запрет положено нарушить. Но поскольку знали и то, что преступивший его смельчак определит собой всю дальнейшую жизнь неофита, что процесс обращения длится невесть сколько и, оборванный грубой силой, вполне может кончиться смертью или увечьем, никто не спешил выступить вперёд.

– Шутим с предопределением, – добавил к этому Гарри.

– И часто такое кончалось плохо? – спросил я-Пабло.

– Да нет. При чем случаи, висящие на волоске, легко распознать заранее.

Девушка – или нет, скорей девчонка лет двадцати, не более, – к тому времени убедилась в моей целостности и сохранности и скромно удалилась, потупив глазки. Похоже, это был тот безбашенный подросток, что перед моим якобы последним помывом приставал ко мне с интимными услугами.

Я чувствовал приятную слабость, которая весьма располагала к любовному философствованию, и оттого пытался воссоздать перед внутренним взором ее черты: короткие стриженные волосы осеннего оттенка, чуть выступающие скулы, ровненький носик и карие глаза. Она как-то незаметно вытянулась и стала со мной почти вровень – прямые плечи, крошечные груди, узкие бедра. Волки обняком трунили друг над другом – сейчас я их понял. Здесь считалось, что если тебя «выводит» мужчина, то всё ладно, а если женщина – твоя андрогинность даёт сильный крен на мужскую сторону. Было бы ради чего...

– Кстати, я всё не удосуживался поинтересоваться: как мы, законченные ангелы, умираем?

– Да вообще-то никак, – вздохнул Амадей.

– Вот попал... Раньше нельзя было просветить?

Тогда Иоганн со своей обычной философской миной пояснил:

– Ничто земное нас не берёт, хотя множество вещей причиняет страдания. Пламя, например. Ты сам видел, как легко твоя плоть тому поддалась, хотя это последствие скорей болезни, чем обращения. Сильный холод – мы, в общем, теплокровные и можем заснуть до полусмерти. Но когда ты насытишься здешними играми и сам захочешь уйти, а наверху будут согласны тебя принять – тогда получится. Только не в горе и отчаянии, не посреди возложенных забот и когда твои кровь и плоть успокоятся.

– Ангелоиды умеют страдать?

– Люди считают, что боль и страх смерти делают человеческими. Мы их не разочаровываем, – ответил он кратко.

– Человечность из-под палки, – ответил я. – В них, я имею в виду.

– На то и люди, чтобы ходить битыми, – промурлыкал Амадей. – Рабы всего, вплоть до обстоятельств. И так до самого финала.

Это слово вызвало во мне ассоциации.

– Други, вы, собственно, что – со мной закончили? В литературе говорится, что меня обратно напоить надо.

– Ну, при первом знакомстве мы как раз это и сделали. С избытком.

Амадей был прав – это я знал еще до вопроса.

– И еще научить охотиться. Так?

– Уж это теперь лежит всецело на Марии.

Я почувствовал, что моя слабость выросла раз в сто, а, может быть, и в двести.

– Она же этот... эскуайе. Оруженосец рыцаря. Вы меня еще до удаления прежней головы так именовали.

Разумеется, я перепутал ступени, взяв тоном выше. Эсквайром назвала меня моя прекрасная леди, которой нынче присвоили именно первый титул. И означал он всемерную помощь избранному ей кавалеру.

Что делать, что делать...

И эта малявка будет учить меня кровопийству?

Вначале, однако, она преподавала мне урок моды.

– Весна, без большой нужды тёплые дафлы не надо носить, – сказала она. – Только если как форму и знак отличия. Вот тренчи, плащи такие с поясом, накладными карманами и погончиками – то, что нам надо. Нуар, чёрный стиль. Никакой высоколести.

– Ага. Шляпа, очки, кольт, – подхватил я.

– В чернотелой сумочке, – подхватила она. – И рядом – патрончик с ярко-красной губной помадой...

– ... надорванная пачка сигарет и зажигалка.

– Ты разве красишь губы?

– А ты... вы разве курите?

– Ты. А насчет курева...

Она была права. Все мои дурные привычки отшибло напрочь.

Одежду нам приволок незаменимый Хельм. Брюки и водолазки. Габардиновые тренчи, мужской и женский. Серые, слегка обмятые по фигуре и – ужасно! – с пластиковыми пряжками и пуговицами. Мягкие до бесформенности береты. Туфли со шнурками. И никакого оружия.

– Оружие – мы сами, – сказала она.

– Чудесно звучит. Суший дохляк и подросток.

– Туда, где есть люди, мы сегодня не пойдем, гер... Пабло, – ответила она. – Хотя пока всё равно будем под надзором старших.

Когда мы поднырнули под низкий пролет выхода, первое, что я увидел, – низкие холмы. Потом до меня дошло, что это развалины домов и крепостей. Они обратились в щебень и

песок, их затянуло бурьяном, кустарником, хилыми березками и осинками – такие деревца обыкновенно вылупляются на балконах старых домов. Однако в глубине их я угадывал осколки руин, из руин же в моём воображении вставали горделивые очертания былых зданий.

А за холмами сияла озерная гладь. Та самая, в которую опускалось тогда вечернее солнце.

Озеро холодное и беззвёздное, как и небо, где еле был виден кружевной призрак месяца и одна-единственная звезда. Геспер, охраняющий сад Гесперид. Или то была его аватара по имени Фосфор?

– Весь исторический центр города обрушился, – кивнула Мария, прижавшись к моему локтю. – Давно. Ты не знал?

– Никто из людей не знал. Военные оцепили место и поставили бетонный забор в три метра вышиной. Говорили, старинная бомба грохнула.

– Там всё было источено как червем – ходы, подземелья, тайники... Дигтеры предупреждали лет двадцать подряд. Кажется, и в самом деле что-то взорвалось, меня не очень это волновало.

– Меня тоже. Доходили одни сплетни, знаешь. А потом начались проблемы. Что в столице не однажды побывала чума, все знали. Но с той, которая вышла из развалин вместе с рукописями, уже невозможно было справиться.

Мария печально кивнула. Всё вокруг было пронизано этой печалью. Оттого мне показалось, будто неподалеку от миража зубчатых крепостных стен, поросшего синими ёлками, снова возник печатный и узорный пряник Академии Исторических Архивов, куда эмчеэсники с торжеством затащили сундук с легендарной библиотекой. Разумеется, любовно пропущенной через жёсткое излучение, смертельное для всякой жизни.

Всё-таки интересно, мою Эли удалось похоронить вместе с остальными приёмщиками? Приятель обещал поспособствовать, но потом я его не встречал, как и всех из нашей компании.

– Твоя жена была эмпат, хотя не понимала того сама, – кивнула Мария. – Опасность чувствовала однозначно, а когда попыталась хотя бы слегка притормозить работу над заражёнными текстами...

– Судили за вредительство и расстреляли в двенадцать часов. Режим уже был практически военный. Тела казнённых родичам не выдают, – прибавил я сухо. – Хотя как знать, может, оттого я так долго и протянул на своей нежно любимой дури. Мор тогда вспыхнул вообще до небес. Против всех ожиданий. Мы же, суеверные дебилы, думали, оно как чудотворная икона подействует. Библиотека святой византийской царицы. А вышло как всегда и даже хуже. Я, по счастью, оказался как в футляре: домашний арест и всеобщее презрение в качестве прибавочного бонуса.

Говоря это, я не испытывал никакой горечи. Собственно, всё произошло не со мной, а с тем Андреем, что оставил свое тело на дыбе. На всех пыточных снарядах мира, который был насквозь пропитан страданием и тщетой.

Экий я стал философ!

– С голоду, – мигом откликнулась девочка. – Ты же добавил в ментале: «Не в коня корм», верно?

Я рассмеялся – слегка сардонически.

– Давным-давно, ещё когда **был**, Андрей понял, что скорбим мы всегда и везде – лишь о себе. Где бы ни была Элька, ей там куда лучше здешнего, а на земле ей без затей пустили пулю в затылок еще в коридоре суда. Никаких мук и совершенно никакого страха. Мне об этом сказала наша общая подружка Марикита. И не говори мне, что такая слабая наркота не пробивает и не способствует ясновидению.

– Да что ты, я в этом вообще не смыслю. Только, пожалуйста, не криви так губы и не думай плохо. Испугать можешь.

– Кого, тебя?

– Нет. Смотри.

Мария вынула из кармана свисток и подула в него. Прежде бы мне было даже тона не разобрать, но своими новыми ушами я безошибочно уловил простенькую ультразвуковую мелодию.

На ее зов из какой-то пещеры вышла собачья стая и уселась вокруг в порядке четкой субординации. Отборные дворняги: желтовато-серого, иногда чепрачного окраса, широкая грудь, мощные лапы с длинными когтями, морда обыкновенно тёмная в тон пятнам или чепраку, вокруг больших глаз – светлые обводы. Я так подробно описываю, потому что это было в листках, наклеенных на двери: вторая по величине опасность после ВИЧа. Дикие или, верней, одичавшие псы-людоеды.

Однако тут я даже не отпрянул.

– Говорили, что на них половину пропавших тел списывают.

– На деле дай им бог хотя бы десятину, – отозвалась она. – К заразе, особенно принятой внутрь, они едва чувствительны, это люди верно понимают.

– И что дальше, Мари?

– Зови. Думай внутри себя. Проси помощь.

Я не знал, как делать, но вышло само.

Откуда-то из укрытия появился вожак: огромный лохматый самец абсолютно неразборчивого оттенка. Он прихрамывал то на одну, то на другую переднюю лапу, но держался боёвито.

– Саркома. Начальная стадия, – пояснила Мария. – Как решишь?

На этих словах псиня образина подошла ко мне, встала дыбом, уперев обе распухших конечности в мой тренч, и приветливо махнула хвостом.

– Ему лет шестнадцать, и молодые сильно теснят его с места. Опять же боль: не такая сильная, как у человека, но всё-таки. Вылечить его ты не можешь – пока нечем. Убить – убьёшь легче легкого, он сам не против. Но если удержишься, обеспечишь анестезией до конца его дней.

– Как вообще это делают?

Мария тихо рассмеялась:

– Сверни язык, как в детстве. Не поперек, а вдоль. Мама говорит, стоило бы людям начать гонение на тех, у кого язык в трубочку скатывается. И на трубказубов... Факт ведь кровососы.

На последних словах во рту у меня стало щекотно, и когда я приоткрыл рот, это было уже то самое, что у Волков.

А дальше всё происходило без участия ума. Кажется, я пригнулся, и жало само нашло под шерстью набухшую вену.

На вкус жидкость не была ни приятной, ни особо противной: так, неочищенная водопроводная муть. Но внутри меня аж заклокотало от весёлой ярости, от резкого наплыва незнакомых ароматов, шелестов, плеска.

Я выпрямился, а он как мешок сполз на землю.

– Убил?

– Нет, я думаю. Отойдет – будет собачьим... как это? Шестёркой. Но кормить его не перестанут. Обещали мне, – сказала Мария.

– Что дальше?

На сердце у меня было тяжело, но я хотя бы его в себе почувствовал. Тем более что моя оруженосица крепко к нему прижалась.

– Дальше? Ну, как я захочу. Животную душу ты узнал. Можно было бы и травную, и древесную. Ой, знаешь, меня прямо с этого начали посвящать. Такое жёсткое! Но зато стихи нужно читать.

– Какие? – я удивился, но несильно.

– Лонгфелло в переводе Бунина. «Дай мне, Ель, смолы тягучей, дай смолы своей и соку...» Вообще-то что попало годится, лишь бы настроение создалось верное. А «Гайавату» я люблю.

– Седой таёжный кедр здесь тоже когда-то рос. Огромные, раскидистые сосны, от стены одни зубы. Потом вождю что-то не так показалось – заменили на другие хвойники.

– Такой могучий ствол тебе пока не под силу.

Говоря так, Мария двинулась куда-то в обход большой воды. Ландшафт здесь был уже не таким аморфным – нередко попадались обломки стен с выведенными на них дугами и или поребриком, колонны без капителей и даже нечто вроде огромных волнистых раковин, какие любили рисовать ученики художественных училищ. Последние были вмурованы в плоскость и имели порядочный размер, вокруг иных густо плелись какие-то лианы с набухшими и во многих местах проклюнутыми почками.

– Вот. Это плющ тут прижился.

– Не холодно ему в наших местах?

– Нисколько. Южная стена и еще снизу греет. Там источник.

Мы стали рядом, и я увидел редкие зеленые побеги этого года. Мария сорвала один и припнула к ранке, а потом показала мне:

– Втягивай в себя – можешь просто губами. Этим ты ему не очень повредишь – хотя листья пошли в рост, соки еще бурно движутся по всей длине.

Я послушался – на вкус это было точно молодое, едва забродившее вино, что, как говорил поэт, не успело опомниться. И кипело внутри так же буйно.

– А стихи ему нужны, этому плющу? – спросил я глуховато. – «Я ошибся: кусты этих чащ...»

– «Не плющом перевиты, а хмелем», – отозвалась Мари.

Дальше было что-то про плащ, но эти слова оказались совсем не нужны.

– «Вкруг меня твои руки обвиты», так? – спросил я. И получил ответ.

Между нами и шероховатым камнем не было ничего, помимо впопыхах сброшенной одежды. Между нами и бледным небом простёрся широкий карниз в виде раковины, с карниза тянулись узловатые плети, все в юной листве. Ее тельце почти таяло в моих объятиях, ее руки жгли меня, как пламя. Рыжие волосы ласкали, как искусная любовница. Рты наши не сливались друг с другом, но впивались и отыскивали самые потаённые места в телах, которые причудливо и стройно изгибались в такт неслышной музыке. И когда мы оба не могли более терпеть, Мария гибко извернулась и подставила моему языку совсем другие свои губы.

– ...пить друг друга... пей непентес, сок забвенья... – пробормотала она. Ее жалые скользило вдоль моего тайного члена, иногда поглаживая головку или дразняще проникая внутрь. Я робко раздвигал и перебирал ее лепестки – в глубине виднелось нечто выпуклое, затаенное плевой, как глаз дремлющей птицы, и ритмично пульсирующее.

– Ударь, – сказала она с какой-то внезапной отвагой.

В жаждущий рот мой хлынула ее девичья, ее первая женская кровь, что пахла тотчас изошедшим из меня семенем, и крик мой тотчас захлебнулся в этой терпкости.

Потом мы оба спустились к озеру, как есть нагие, и долго плескались в прохладной и чистой воде.

– Кто смотрит на нас сверху – Геспер или Фосфор? – спросил я внезапно.

– Венера, – счастливо рассмеялась Мария. – Но если говорить, как у нас принято, – Люцифер.

– Что это было? – спросил я немного спустя.

– Ты прошел полное посвящение в рыцари, – объяснила Мари сквозь ворот своего свитерка – она как раз его натягивала. – Зверем, Древом, Человеком, Сумраком и Девой. Зверь – ясно. Плющ обвивается вокруг дерева, пьёт его соки и оттого ему сродни. Я дева и дитя сумрака. Ко всему прочему, со мной поделился один человек, очень хороший и настоящий. Он знал, для чего мне нужна его кровь.

– А когда иницируют женщину?

– Формула меняется, конечно. Сумраком и Мужем.

Мари поглядела мне в глаза и улыбнулась:

– Да конечно, женская печать тогда не снимается. По большей части ее уже не бывает. И человека пьют самого, а не через посредника. Просто мне в голову вступило. Разве так не лучше?

А дома, среди Волков, произошел разбор полётов.

– Молодец, Пабло, что сумел непроизвольно остановиться, – говорил Амадей. – Однако вожак хотел уйти чисто, а ты его опустил перед всеми. Ничего, поправим.

– С деревом и прочим вышло куда как затейливо, – добавил Гарри. – Однако девицу следовало бы как-то прочувствованней поблагодарить. Она ведь старалась. Конечно, ты наивен, как только что вылупившийся петушок, и откуда тебе знать, что в ходу у нас, благородных сумров.

– Сомневаюсь, что тебе удастся, – Иоганн вынул изо рта трубку и постучал ею об столешницу. – Эсквайр не означает любовницы. Вот если бы у вас могло получиться дитя...

– Как у хитромудрой Беттины, – хихикнул Амадей.

– Не говори о ней. В своё время перебрала весь поэтический бомонд, мою жену прилюдно обозвала «бешеной сосиской», а мужа себе нашла – самого кроткого и чистого из возможных претендентов.

Я так и не понял, говорит ли он о нынешней Беттине или ее человеческом прототипе: концы не сходились ни так, ни этак.

Однако почти не удивился, когда, возвратясь поздно вечером в нашу с Хельмом комнатушку, обнаружил у самого входа матрасик, а на нем – дремлющую Марию, закутанную в нечто вроде конской попоны.

– Сторожить нанялась, – кивнул Хельм в ее сторону. – Говорит, ее дело теперь – блюсти рыцаря. Я ведь хоть и слуга всем, но в самом себе волен.

– Чудесная логика.

Я наклонился, чтобы поднять ее и устроить на своём ложе, но девушка спросонья уперлась рукой мне в грудь и что-то сердито пискнула.

– Кончен бал, – ухмыльнулся Хельмут. – Субординация, чёрт ее дери.

– Постой, я не понял.

– И Волки тебе не сказали, – он снова изобразил улыбку.

– Она же меня посвящала. Вводила в курс, так сказать. И она ведь настоящий Сумеречник, хотя и не Волчица.

– Волчицей Марии никогда и не быть. У них другой звериный покровитель, иначе тотем, – объяснил он с важностью. – Медведь какой-то. Питаться ее обучили с малолетства – едва на дыбки встала и от материнских сосцов отлипла. Они тут долго по нашим меркам грудь сосут, лет десять. Отлучают их примерно по той же методе, что и тебя. Молоко с кровью, кровь с молоком, бобы с молоком, молоко с соком, чистый сок. Но и понятия у них до последней поры вроде как у тебя самого. Раскрываются постепенно.

– Надеюсь, без твоей помощи?

– Там свои олимпийские игры. Хотя тоже ничего себе. Сам посуди: ты взят со стороны, а Мари вырождённая.

– Урождённая, – поправил я.

– В смысле матушка такой выродила. В полный рыцарский или кавалерно-дамский чин ей еще лет через пятьдесят входить. Тебе-то его в поощрение дали. Каждый божий раз ты попадаешь на шаг выше, чем прочие. А образцового человека в сумеречное племя переворачивать – это вам с Мари ещё только предстоит. Совсем другой компот. Тебе, вообще-то, и незачем в Волки пробиваться. Жену из другого рода полагается брать.

Я так понял, что это намёк на Волчицу Беттину, но словами выразить поопасался: засмеёт еще. И то удивительно, что Хельм сообщает мне всякие наполовину секретные детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.